

Содержание

Вступительное слово автора	2
Легенда завоевания Волжских берегов	4
Юрий Долгорукий	5
Городец Радилов и Василева Слобода	9
Нашествие орд хана Батыя	10
Святой равноапостольный князь Александр Невский	10
Городецкий князь Андрей Александрович	12
Борьба Нижегородских князей за Владимирский стол	13
Распря братьев князей Константиновичей	14
Сергий Радонежский на Нижегородчине	15
Договорная грамота	18
Белгородье по Персидскому В.А.	18
Слияние Нижегородско-Суздальского княжества с Московским. Летописи о нашествии татар казанских и крымских (1407 год).	19
Перемены после взятия Казани	21
Царь В. И. Шуйский и его слобода	24
Первые упоминания о Д. М. Пожарском	28
Конец Шуйских, хозяйка Слободы – монахиня	29
Самозванцы	29
Василева Слобода	32
1612 г. – ополчение и поляки на нижегородчине	32
Битва с бандами атамана Заруцкого на «панских буграх»	36
Профессор Н.Ф. Филатов о нашем селе	38
Слобода – монастырская	41
Козьма Минин – герой России	41
Раскол церкви. Никон и Аввакум	43
Легенды П.И. Мельникова-Печерского	47
Конец раскола	49
Упадок Василевой Слободы	52
Первые отношения с помещиками	53
Разбойники в окрестностях	54
Путешествие Екатерины II в «Азию»	55
Пугачевское восстание	56
Отечественная война 1812 года (медвежий батальон)	57
Протоиерей И. Соловьев о Василеве	61
Отчет Научной Комиссии, С. Парийский	64
Начало пароходных кампаний. Кустари	65
Церкви и Василевские святые	67
Пророчества из старообрядческих книг	69

Вступительное слово автора

Когда долгое время живешь вдали от Родины, то всякая встреча с ней становится знаковой и запоминающейся. Эти встречи на протяжении моей жизни были не только явными, но и опосредованными – через газеты, телевизионные и радиопередачи, поскольку жить чаще всего приходилось далеко от родных мест. Каждая публикация в прессе, пусть даже не о Чкаловске, о Ваче или Лыскове, Павлове или Болдине – все это воспринималось в чужих краях как весточка с родины. А когда вдруг на телеэкране появлялись чкаловские кадры, то дня два не ходишь, а летаешь и обиженно удивляешься тому, что сослуживцы не обратили внимания на эту передачу. Ведь это же ЧКАЛОВСК!

Вернулся я на родину через 25 лет отсутствия, после службы в армии в Архангельске и Мурманской области, как-то зашел в библиотеку, расположенную в ДКС и стал свидетелем того, с какими затруднениями сталкиваются библиотекари, когда школьники обращаются к ним с просьбой подобрать литературу по истории родного края. Такой литературы мало, информация в ней не исчерпывающая. Помнится, я сказал ребятам: «Достаточно описать историю так называемых «панских бугров» и вам будет обеспечена отличная оценка за работу по истории Чкаловска». К сожалению, ни один из 30 присутствующих в библиотеке ребят ничего не знал о «панских буграх». Вот тогда впервые у меня зародилась мысль написать о том, что для нашего поколения было самой жизнью, а для последующих – скрыто не только временем, но и разлившимся в 1955 году водохранилищем. Не один год ушел на работу с архивными материалами, литературой, историческими справками. Эта работа увлекла и захватила меня обилием новой интересной информации. Что из этого получилось, судить вам.

За появление на свет этой книги приношу огромную благодарность Главе местного самоуправления Лунькову Сергею Анатольевичу; за помощь в издании Мотынга Олегу Фёдоровичу; за помощь в работе над материалами и фотографиями Виноградову Владимиру Евгеньевичу и Маленёвой Наталье Алексеевне, а также Беляеву Олегу Владимировичу.

В. Беляев.

В. А. Беляев

«Пожалуй, в жизни
не встречал я
другого такого человека,
который так, как Чкалов,
был бы привязан к месту,
где вырос. Самые дорогие места
для него – его Василево, самая
лучшая река – Волга.
И закаты-то там необыкновенные,
и рыбалка самая лучшая,
и нигде так легко не дышится.
Отдыхать ездил только
в Василево»

Г. Ф. Байдукова

ИСТОРИЯ БЕЛГОРОДЬЯ /«МОЯ МАЛАЯ РОДИНА»/

(Краткий исторический очерк, посвященный 75-летию перелёта Чкаловско-
го экипажа через Северный полюс в Америку)

2011 год

«Издrevле та сторона была
крыта лесами дремучими,
сидела в них мордва, черемисы,
булгары, буртасы и другие
языки чужеродные...
Русские люди, чужую землю
заяв, селились в ней по
путям, дорогам. Вдаль они
не забирались, чтобы среди
враждебных племен быть наготове,
на всякий случай друг
к дружке поближе».

П.И. Мельников-Печерский
«На горах»

Легенда завоевания Волжских берегов

Великий летописец земли Нижегородской Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский) записал множество легенд и преданий, которые бытовали на берегах Волги. Одна из них распространилась, в старые времена, не только среди русского, но и чувашского, мордовского и марийского народов, она гласила: «На горах то было, на Дятловых: мордва своему богу молится, к земле матушке на восток поклоняется... Едет белый царь на Волге реке, плывет государь по Воложке на камешке. Как возговорит белый царь людям своим: «Ой вы гой еси, мои слуги верные, слуги верные, неизменные, вы подите-ка, поглядите-ка, на те ли горы на Дятловы, что там за березник мотается, мотается-шатается, к земле-матушке преклоняется?...». Слуги пошли, поглядели, назад воротились, белому царю поклонились великому государю таку речь держат: «Не березник то мотается-шатается, мордва в белых балахонах богу своему молится, к земле-матушке на восток преклоняется». Вопросил своих слуг белый русский царь: «А зачем мордва кругом стоит и с чем она богу своему молится?». Ответ держат слуги верные: «Стоят у них в кругу бадьи могучие, в руках держит мордва ковши заветные, заветные ковши большие-набольшие, хлеб да соль на земле лежат, каша, яичница на рычагах висят, вода в чанах кипит, в ней говядину янбед (помощник жреца) варит». Как возговорит белый русский царь: «Слуги вы мои, подите, дары от меня мордве отнесите, так ей на моляне скажите: «Вот вам бочонок серебра, старики, вот вам бочонок золота, молещичики». На мордовский моляк вы прямо ступайте, мордовским старикам серебро, золото отдайте». Верные слуги пошли, царский дар старикам принесли, старики серебро, золото приняли, сладким суслом царских слуг напоили, слуги к белому царю приходят, вести про мордву ему доводят: «Угостили нас мордовские старики, напоили суслом сладким, накормили хлебом мягким». А мордовски старики, от белого царя казну получивши, после моляна судили-рядили: что бы белому царю дать, чтоб великому государю в дар от мордвы послать. Меду, хлеба, соли набрали, блю-

да могучие наклали, с молодыми ребятами послали. Молодые ребята приуставши сели: мед, хлеб-соль поели, «старики де не узнают». Земли да желта песку в блюда накладали, наклавши пошли и белому царю поднесли. Белый русский царь землю и песок честно принимает, крестится, бога благословляет: «Слава тебе, боже, что отдал в мои русские руки мордовску землю». И поплыл тут белый царь по Волге реке, поплыл государь по Воложке на камешке, в левой руке держит ведро русской земли, а правой кидает ту землю по берегу... И где бросит он горсточку, там город ставится, а где бросит щепотку, там селеньице».

Юрий Долгорукий

Но не так просто было в жизни. Князья русские-удельные, получали княжество по наследству и наследовали земли от старшего брата к младшему по очереди. А у всех были свои сыновья и племянники, которые, достигнув совершеннолетия, тоже претендовали на княжество и оспаривали друг у друга права на земли отцов своих. Ко всему прочему, утвердить эти права должен был хан Золотой Орды, которому было выгодно, что на Руси единства нет, и часто вопрос решался, тем кто хану богаче дары привезет и большие сборы пошлины с простого люда пообещает.

Летопись за 1108 год подробно донесла до нас сведения как постепенно расселение пришло славянские народы на берегах великой Волги, как осторожно подходили к ней предварительно строя города и села на малых реках и озерах.

За лесами дремучими, нерубленными, нехоженными, за болотами зыбучими, непроходимыми, среди редких станов финско-угорских племен, в междуречье Волги и Оки возникли в 9-10 столетиях первые славянские поселения. Первые города русские там были: Ростов на озере Неро, Клещин на Клещевом озере и Муром на Оке. Да ещедалеко на севере, где вытекает из белого озера полноводная Шексна, стоял город Белозеро.

В те далекие края залесские были тогда дороги только что реки. А из одной реки в другую волокли лодьи посуху, по дубовым каткам, либо на салазках.

Из Нерли Волжской, что течет на север, шел такой волок в Нерль Клязьменскую, что течет на юг. С незапамятных времен между Клязьменской Нерлью с востока и рекой Клязьмой с юга и по ее притокам Колокше и Некше было безлесием. Назывались те илородные, черноземные, пахотные земли «Ополем». На краю Ополя, вдоль правого берега Нерли прятались по оврагам малые поселения славян с общим прозванием Суждаль. «На Суждали» – и так писали в женском роде, летописцы, об этих поселениях.

Повелось издревле, что жители южной Руси, а следом за ними и летописцы все земли залесские – от Оки и до самой Волги – звали Суждальскими (суздальскими) и народ, живший по тем городам и весям, именовали суздальцами.

Жили в тех краях залесских неимущие смерды, жили там и богатые – «старая гадь», что владели распаханнми нивами, усадьбами, запасами хлеба, ляхов, меда, воска, вара, пеньки...

В те дальние земли христианство пришло на сто лет позже, чем в Киев, Чернигов, Переяславль – Южный. Мечом и огнем насаждалось оно.

Говорится в летописи, как убили первого ростовского епископа Леонтия, как в неурожайный 1024 год восстали на Суждали смерды. Поднялся голодный люд на богатых, а во главе восставших были волхвы – язычники. Сам великий князь Ярослав Мудрый прибыл на усмирение. Бояре «старая гадь» помогли ему жестоко расправиться с ослушниками. Казнил Ярослав многих смердов и волхвов. И память о пролитых реках крови с той поры долго жила на Суждали.

Умер Ярослав в 1054 году, и загорелись тогда на Руси усобища меж его сыновьями. Каждый из них хотел владеть великокняжеским Киевским столом.

Страшная борьба пылала на юге, а в глухих северо-восточных окраинных землях простому народу жилось вольготнее. Владел ими третий сын Ярослава – Всеволод.

Сам он ни разу не бывал на Суждали, а собрать дань посылал своего сына Владимира Мономаха. Такое прозвание дали княжичу в честь деда его со стороны матери – Византийского императора Константина Мономаха. Впервые Владимир отправился в дальний путь на Суждаль, когда исполнилось ему 13 лет.

Как умер князь Всеволод, Владимир вступил во владение землями на Суждали. Много раз за свою долгую жизнь приплывал он сюда на лодьях, суд вершил, собирав дань, охотился, пировал со своей дружиной.

То затихая, то вновь разгораясь, длилась на юге кровавая борьба меж Владимиром Мономахом и его двоюродным братом Олегом Святославичем Черниговским, которому народ дал страшное прозвище Гориславич. В 1096 году вторгся Олег на Суждаль, много поселений пожег и пограбил. Но преградил путь Олегу сын Мономаха – молодой и отважный Мстислав, что княжил тогда в Новгороде. Пошел Мстислав со своей дружиной на защиту земель отцовских и на реке Колокше победил полки Олеговы.

По велению Владимира Мономаха были построены в тех краях залесских первые две крепости – одна на малой речке Каменке, близ впадения ее в реку Нерль. И называли ту крепость Суздаль. А на высоком левом берегу Клязьмы недалеко от впадения в нее речки Лыбеди, меж оврагами глубокими встала другая крепость. И назвал ее Мономах в честь себя Владимиром. Построил он внутри каждой крепости по церкви. Были они первыми каменными на северо – востоке Руси.

«Сын Всеволодов Мономах... сий постави град Владимиръ Залешьский в Суждальской земле ...и съеза (т.е. создал первую церковь Спаса...)» – так говорит летопись за 1108 год.

В предисловии к «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзин писал: «Знаю, что битвы нашего удельного междуусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума, что сей предмет не богат, ни мыслями для прагматика, ни красотою для живописца; но история не роман и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир». Владимир Мономах оставил после себя пять сыновей, из коих Мстислав Владимирович правил в Киевском княжестве, а остальные в своих уделах: Ярополк в Переславле, Вячеслав в Турове, Андрей во Владимире, Георгий (Юрий Долгорукий) в Суздале; Последующие сто лет за великий стол Киевские Мономаховичи боролись не только между собой, но и с сыновьями князя Олега Святославовича. Не проходило почти ни одного года, чтобы войны не сотрясали княжества русские. Наглядным приме-

ром служит завешание Владимира Маномеха, дошедшее до нашего времени, где он пишет: «Всех походов моих было 83, а других маловажных и не упомяну». Сын его, Юрий Долгорукий воевал постоянно, в 1149 году отвоевал Киев у своего племянника Изяслава (с которым воевал всю свою сознательную жизнь), но в том же году вынужден был уйти обратно в Суздаль. И только в 1155 году, на два года: он седьмым после отца Владимира Маномеха, утвердился на Киевском престоле.

Н.М.Карамзин так воспроизвел сведения о нем, почерпнутые в различных летописях: «Георгий властолюбивый, но беспечный, прозванный Долгоруким, знаменит в нашей истории гражданским образованием восточного края древней России, в коем он провел все цветущие лета своей жизни. Распространив там веру христианскую, сей князь, строил церкви в Суздале, Владимире, на берегах Нерли: умножил число духовных пастырей, тогда единственных наставников в благонравии, единственных просветителей разума; открыл пути в лесах дремучих, оживил дикие, мертвые пустыни знаменами человеческой деятельности. Основал новые селения и города, кроме Москвы – Юрьев Польский, Переяславль-Залесский (1152г.), украшая их для своего воображения сими, ему приятными именами и самим рекам давая названия южных. Дмитров на берегу Яхромы, также им основан и назван по имени его сына Всеволода – Дмитрия, который (в 1154 г.) родился на сем месте.

Но Георгий не имел добродетелей великого отца, не прославил себя в летописях ни одним подвигом великодушия, ни одним действием добросердечия, свойственному Маномехову племени. Скромные летописцы наши редко говорят о злых качествах государей, усердно хваля хорошие, но Георгий без сомнения, отличался первыми, когда, будучи сыном князя, столь любимого, не умел заслужить любви народной. Мы видели, что он играл святостию клятв и волновал изнуренную внутренними несогласиями Россию для выгод своего честолюбия.

Одним словом народ Киевский столь ненавидел Долгорукого, что, узнав о кончине его, разграбил дворец и сельский дом княжеский за Днепром, называемый «Раем», также имения суздальских бояр и многих из них умертвил в иступлении злобы. Граждане, не хотев, кажется, чтобы и тело Георгиево лежало вместе с Маномеховым, погребли оное вне города, в Берестовской обители Спаса».

Наряду со славой Юрий заслужил народную ненависть великими переселениями землепашцев, ратников и ремесленного люда. После каждой победы население перегонялось силой в удел победителя, достаточно вспомнить, что, уйдя из Киева в Суздаль в 1149 году, Юрий, не в силах защитить свое княжество, отступил на восток, в то время как Изяслав захватил полон 7 тысяч человек и переселил его на свои земли. То же самое делали все удельные князья. А Юрию для основания большого количества городов и селений требовалось огромное количество населения, для строительства новых крепостей, насыпания валов, рубки засек, выжигания лесов под поля, набора команд на волжские гребные суда и особые деревни, веси, починики для охотничьих, землепашеских и других видов сельско-крестьянских, а в городах ремесленных, строительных работ. Именно с 1150 года Долгорукий обращает пристальное внимание на восток, где протекает река Волга, которая полноводней всех рек Киевской Руси, и может кратчайшим путем связать Русь с торговой Казанью, Астраханью и Средней Азией.

Городец Радилов и Василева Слобода

Исключительно из мести Изяслав Мстиславович уничтожает полностью, сжигает дотла любимый город Юрия Догорукого Городец Приднепровский (Так гласит запись в Лаврентьевской летописи за 6660 год (1152)). В ответ на это коротким броском своей дружины князь Юрий отбирает у черемисов побережье Волги и основывает сразу три крепости. Это Кострома, Юрьевец и Городец. На месте Городца было марийское поселение Малый Китеж (Китеж - по марийски странник, скиталец). Сразу же разворачивается большое строительство крепости и насыпка земляных валов, остатки которых и теперь еще можно наблюдать в Городце. Последний он назвал в честь своего Городца Приднепровского, но добавил к нему слово «Радилов», от «Ра», так в древности называли Волгу. Однако приставка не прижилась и не сохранилась до наших дней.

Городец, по описанию в Супрасльской летописи, был мощной военной крепостью-фортом на юге Суздальского княжества, с постоянным гарнизоном и военно-транспортной базой. Он закрывал булгарам путь в Ярославльское Поволжье, и, начиная с 1152 года, они стали гораздо реже тревожить границы Руси. Согласно существующей в то время стратегии, в тылу, но недалеко от основной крепости, ставился резерв со своими плавучими средствами, на случай скорейшего прибытия и удара с тыла, если основную крепость осадят враги. Такой резерв и был посажен на правом берегу Волги, в небольшой крепости, на берегу речки Санохта. Так как князя Юрия Долгорукова в этих волжских походах сопровождал младший сын Василько Юрьевич, то он и стал первым князем удельного Городца Радилова, а слободу в честь него называли Василевой. Внук Владимира Маномеха и Византийского императора, сын Юрия Долгорукова от второго брака, он в 1155 году стал князем всего Суздальского княжества.

Поскольку в Василевой Слободе первоначально жили только служилые люди – ратники и работники, то и была она долгое время просто служилой слободой. В Большом Энциклопедическом словаре слово «слобода» объясняется так: Слобода – это название различных поселений в русском Государстве XI-XVII веков, население которых временно освобождалось от княжеских повинностей. Известны слободы стрелецкие, монастырские, ямские, иноземные и ремесленные.

Василева Слобода выполняла роль младшего брата, переднего города в Государстве – Городца, служила связующим звеном между Городцом и Суздалем, Ярославлем, Костромой, Юрьевцем, а позднее и Владимиром.

Таким образом, у нас есть все основания считать годом основания Василевой Слободы, которая строилась одновременно с Городцом, - 1152 год.

Множество раз Василевские и Городецкие ратные люди, соединившись с Владимирскими, Ростовскими, Суздальскими, Боголюбовскими дружинами, спустились вниз, к устью Оки, где к ним присоединялись князья Рязанские и Муромские для совместных походов против угро-финских племен и татар (булгар).

Нашествие орд хана Батые

Страшное бедствие обрушилось на Русь на 1238 году, когда монголо-татарские племена под командованием хана Батые, совершали свои опустошительные набеги. После них не оставалось ни живых людей, ни скотины, ни урожаев, были лишь одни пожарища. В Лаврентьевской летописи говорится: «Татарове попленише Володимир и пойдоша на великого князя Георгия окаянии ти кровопийцы, а ини на Волгу, на Городец и ти плениша все на Волге до Галича Володимирского».

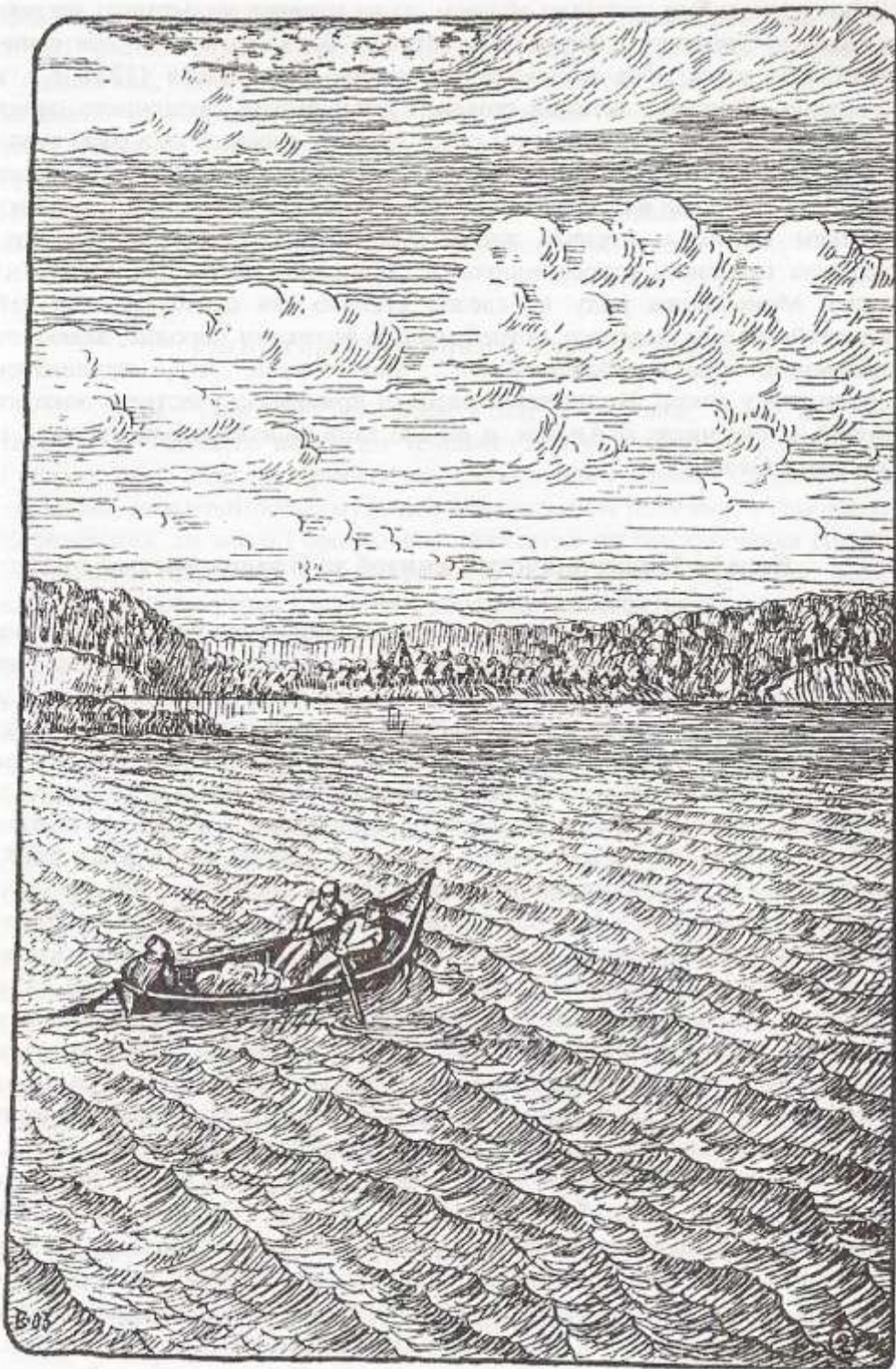
Василева Слобода была слишком незначительным пунктом, чтобы быть упомянутой в летописи, но однозначно, что татарский воевода Шихан, после того как сжег Городец дотла, а срубленные головы сложил в большую гору (на этом месте, до сих пор деревня называется Черепово), отправился на Ярославль и никак не прошел мимо населенного пункта, чтобы не сжечь его и не оставить в тылу, хоть что-нибудь, что могло бы угрожать сзади. К сожалению, если в Городце все это подтверждено, кроме летописей, археологическими раскопками, то в Чкаловске подтвердить это невозможно из-за разлившегося водохранилища.

Но в 1958 году копая на огороде глину, на глубине 1 м 20 см на ул.Первомайской, Лобов Константин Иванович выкопал изящную статуэтку из слоновой кости (в глиняной корчаге) высотой 25 см. К нему приезжал сотрудник Горьковского Исторического музея и подтвердил, что это статуэтка Чингисхана в чалме, с кривым ятаганом на поясе, с луком и колчаном, полным стрел. Лобов в Музей статуэтку не отдал, так как испытывал нужду в деньгах, и дальнейшая ее судьба нам неизвестна.

Святой равноапостольный князь Александр Невский

В 1263 году печаль разлилась по всей Русской Земле. При возвращении из Золотой Орды в Федоровском монастыре города Городца скончался «Надежа Земли Русской» равноапостольный святой великий князь Александр Ярославович Невский. Окрестные крестьяне, прослышав о болезни князя, хлынули в Городец и стояли дни и ночи на коленях вокруг монастыря и истово молились за здоровье заступника.

Вот как описывает это печальное событие Н.М. Карамзин: «Осенью, Александр, уже слабый здоровьем возвратился в Нижний Новгород и, приехав оттуда в Городец, занемог тяжкою болезнью, которая пресекла его жизнь 14 ноября. Истощив силы душевные и телесные в ревностном служении Отечеству, пред концом свои он думал единственно о Боге: постригся, принял схиму, слыша горестный плач вокруг себя, тихим голосом, но еще с изъявлением нежной чувствительности сказал добрым слугам: «Удалитесь и не сокрушайте души моей жалостию!». Они все готовы были лечь с ним в гроб, любив его всегда – по собственному выражению одного из них – гораздо более, нежели отца родного. Митрополит Кирилл жил тогда во Владимире: сведав о кончине великого князя, он в собрании духовенства воскликнул: «Солнце Отечества закатилось!».

Никто не понял сей речи. Митрополит долго безмолствовал, залился слезами и сказал: «Не стало Александра!». Все оцепенели от ужаса: ибо Невский казался необходимым для государства и по летам своим мог бы жить еще долгое время. Духовенство, бояре, народ в глубокой скорби повторяли одно слово: «Погибаем!...».

Тело великого князя уже везли в столицу: несмотря на жестокий зимний холод, митрополит, князья, все жители Владимира шли на встречу ко гробу до Боголюбова; не было человека, который бы не плакал и не рыдал; всякому хотелось облобызывать мертвого и сказать ему, как живому, чего Россия в нем лишилась.

Что может добавить суд историка в похвалу Александру к сему простому описанию народной горести, основанному на известиях очевидцев? Добрые россияне включили Невского в лик своих ангелов-хранителей и в течении веков приписывали ему, как новому небесному заступнику Отечества, разные благоприятные для России случаи: столь потомство верило мнению и чувству современников в рассуждении сего! Имя Святого, ему данное, гораздо выразительнее Великого, ибо Великими называют обыкновенно счастливых; Александр же мог добродетелями своими только облегчать жестокую судьбу России, и подданные, ревностно славя его память, доказали, что народ иногда справедливо ценит достоинства государей и не всегда полагает их во внешнем блеске государства. Самые легкомыслимые Новгородцы, неохотно уступив Александру некоторые права и вольности, единодушно молили Бога за усопшего князя, говоря, что «он много потрудился за Новгород и за всю землю Русскую». Тело Александрово было погребено в монастыре Рождества Богоматери, где и покоилось до самого XVIII века, когда государь Петр I вздумал перенести сии останки бессмертного князя на берега Невы, как бы посвящая ему новую свою столицу и желая тем утвердить ее знаменитое бытие».

Хранятся мощи святого равноапостольского князя Александра Невского в Серебрянной раке, на литье которой ушло более 900 пудов серебра. При Советской власти эта рака была в Эрмитаже выставлена как экспонат и произведение искусства. В настоящее время она возвращена в Александрово-Невскую лавру. Василиевцы, имея с Городцом тесную связь, были в курсе этих событий и переживали и печались вместе со всей Землей Русской.

Городецкий князь Андрей Александрович

«После смерти Александра Ярославовича почти каждый год, то одна, то другая область Руси, подвергалась опустошению со стороны не только монголов, но и многочисленных половецких, нагайских, болгарских орд. Самое же обидное, когда сами князья русские приводили иноземные войска для разбирательства справедливых или несправедливых претензий к соседям. Так младший сын Невского Андрей Александрович, князь Городца Волжского, в 1281 году, задумал отобрать великое княжение у старшего брата Дмитрия, вопреки государственному уставу или древнему обыкновению, по коему старший в роде заступал место отца. Лестию и дарами задоблив хана, Андрей получил от него грамоту и войска». Как пишет в Истории Государства Российского Н.М. Карамзин: «...а татарье, пользуясь, случаем,

напомнили России время Батыево. Муром, окрестности Владимира, Суздаля, Юрьева, Ростова, Твери, до самого Торжка, были разорены ими: они жгли и грабили дома, монастыри, церкви, не оставляя ни икон, ни сосудов, ни книг, украшенных богатым переплетом, гнали людей толпами в плен или убивали. Юные монахи, жены священников были жертвою гнусного насилия. Спасая жизнь и вольность, земледельцы гибли в степях от жестоких морозов. Переславль, удельный город Дмитриев, хотел обороняться, и был ужасным образом за то наказан: не осталось жителя (по словам летописи), который не оплакал бы смерти отца или сына, брата или друга. Сие несчастье произошло 19 декабря (1281 г.): в Рождество Христово церкви стояли, пусты; вместо священного пения раздавался в городе один плач и стон. Андрей, злобный сын отца столь великого и любезного России, праздновал один с татарами и, совершив дело свое, отпустил их с благодарностью к хану. Десять лет Андрей был Великим князем и скончал жизнь свою схимником в 1304 году, заслужив ненависть современников и презрение потомства. Никто из князей Мономахова роду не сделал столько зла отечеству, как сей недостойный сын Невского, погребенный в волжском Городце, далеко от священного праха родительского. Естественно, что, подчиняясь Городецкому князю, Василевские ратники принимали участие в походах Князей, в том числе и Андрея, и по его злой воле страдали от татар и Городец и Слобода».

Борьба Нижегородских князей за Владимирский стол

На слиянии двух великих рек Оки и Волги Городецкие князья держали постоянную заставу для сбора таможенных пошлин с проезжающих по реке, из-за отсутствия дорог, купцов, привозивших товары. Заставы приносили хорошую прибыль, располагались они на Дятловых горах. Народная молва гласит, что в стародавние времена проживал в этих местах Мордовин Скворец, друг и помощник Соловья – разбойника, побежденного Ильей Муромцем. Женился он на восемнадцати женах, и было у Скворца семьдесят сыновей. Все они жили вместе, скот разводили, пасли стада на горах, а по вечерам гоняли их оврагами на водопой к Оке – реке. Тут же, в ущельях горы, обитал чародей Дятел, бывший некогда не в ладах с Соловьем – разбойником. Вот раз пришел Скворец к Дятлу и спросил его о будущей судьбе своих сыновей. И отвечал Дятел, что ежели дети будут жить мирно и согласно друг с другом, то долго им владеть здешними местами, а коли поссорятся, то будут покорены русскими, которые построят в устье Оки град камен и крепок зело, и не одолеют тот град никакие силы вражеские... Долго толковали они. Под конец разговора Дятел просил Скворца о честном ему погребении. Тот обещал. Время шло. Умер чародей Дятел, и похоронил его Скворец на горе при устье Оки – реки. И прозвалось то место «Дятловы горы». Умер за ним и Скворец. Перед смертью завещал он детям своим взаимное согласие и единодушие, но потомки их, перессорившись, стали враждовать между собой и тогда великий князь Владимирский Андрей Боголюбский, изгнал их из устья Оки. А место на горах Дятловых знатное, на пути речном из жарких стран в страны холодные.

Вот в этих местах и заложил первую крепость князь Юрий Всеволодович в 1221 году.

Расположенный на удобных пересечениях торговых путей, город быстро рос, набирал силу и вес. И скоро Суздальское княжество стало называться уже Нижегородско-Суздальским. В XIV веке все три великих города были примерно равны и по величине и по влиянию, я имею в виду Суздаль, Нижний Новгород и Городец. А поэтому ко времени моего повествования, а именно 13 ноября 1359 года, когда скончался великий князь московский Иоанн II Кроткий, оставив на великое княжество сына своего старшего 8-ми летнего Дмитрия Иоановича (впоследствии Донского). В Нижегородско-Суздальском княжестве у власти были сыновья князя Константина Васильевича: в Суздале Дмитрий, в Нижнем старший Андрей, а в Городце Борис. Андрей Константинович был человек очень спокойный, а Дмитрию Константиновичу показалось зазорным подчиниться малолетнему Дмитрию, тем более что Константиновичи были коленом ближе к Ярославу II, нежели внуки Ивана Калиты. И поехал Дмитрий Константинович в орду и получил ярлык на великое княжение.

Малолетний Дмитрий Московский силой оружия согнал Дмитрия Константиновича, и тот убрался обратно в Суздаль. Потом второй раз он получил ярлык, но Дмитрий вообще не пустил его во Владимир, 3-й раз из Золотой Орды сын Дмитрия Константиновича Василий по прозвищу Кирдяпа, привозил ему ярлык на великое княжение, но чувствуя мощь Княжества Московского, Дмитрий Константинович, добровольно, отправил ярлык в Москву, признав тем самым главенство Дмитрия Иоановича. Впоследствии, чтобы окончательно закрепить мир между двумя княжествами, Дмитрий Донской женился на княжне Евдокии Суздальской, дочери Дмитрия Константиновича. Пора сказать и о младшем из Константиновичей, князе Борисе. Впервые он обратил на себя внимание русских летописцев в 1365 году. Незадолго до этого принял монашество и преставился в годину мора Андрей Константинович Нижегородский. Дмитрий со всей семьей засобирался было в Нижний – занимать переходящий под его руку родительский стол.

Распря братьев князей Константиновичей

Борис, сидевший на своем уделе в Городце, всего в сорока верстах от Нижнего вверх по течению Волги, считал, что Нижний и Городец одна земля и править ею должен один хозяин. Собрав, кроме дружины, еще и ратников, мужиков с лошадьми и телегами, в том числе и Василевских, со всего Городецкого княжества, он быстро занял Нижний Новгород и энергично окопал крепость новым рвом и приказал возить камень для крепостных стен. Этот младший Константинович в отличие от старшего брата - миротворца и среднего, весьма теперь поколебленного в своем самомнении, оказался нрава открыто разбойного, с особо чутким нюхом на то, что плохо лежит. К тому же, как раз намеренно ему доставили из Сарая ярлык на Нижегородские владения, с завидной расторопностью выхлопотанный у какого - то самонейшего, только что прорвавшегося к власти хана, не то Азиза, не то Осиса.

И тут, не без труда преодолев смущение и понятную неловкость, Дмитрий Константинович обратился за помощью к Москве, передал, что просит рассудить его с младшим братом, бессовестно захватившим Нижний. Дмитрий Иоанович решает уважить его просьбу о помощи. Митрополит Алексей снаряжает в Нижний Новгород посольство: двух сановитых церковных иерархов – архимандрита Павла и игумена Герасима. Им поручено воздействовать на князя Бориса пастырским словом, а буде заупрямится, прибегнуть к власти суздальского епископа, пребывающего в Нижнем. Толи этот епископ состоял в сговоре с Борисом, то ли князь был уже несколько невменяем, но угроза митрополичьего осуждения не подействовала.

Сергий Радонежский на Нижегородчине

Тогда Москва отправляет в Нижний Новгород еще одного своего посла, Сергия, игумена малочисленной Троицкой обители, расположенной в лесу, в нескольких верстах от волостного Радонежа и примерно на полпути между столицей княжества и Переславлем. Выбор правительства не случаен. Дело не только в том, что Сергий личный друг митрополита.

Известность его несколько иного рода. Она не ограничивается каким-то избранным кругом лиц. Она никогда и никем не распространялась намеренно. Наоборот, сам Сергий вот уже несколько десятков лет все, казалось бы, делает для того, чтобы жить как можно незаметней, подальше от людских перепутий. Но молва не досужая, суетливая, и отцеженная сквозь мелкое ситечко народной тугодумной приглядки – такая молва о нем разбрелась уже в пол-Руси. За темными лесами, на горе Маковец, выстроил себе келью человек праведной жизни, приходят к нему отовсюду, в одиночку и толпами, холопы и князи, бесправные и владыки, сироты и вдовы. Сам сирота от юной версты, с виду – то невзрак, худ, но в кости и в жилах крепок, робит сам в огороде, плотничает, водоносы деревянные носит, печет хлебы и просфиры, а то и игрушки малым детям ладит. Обычай у него: куда бы ни пошел, хоть за сто верст, ни за что не сядет ни на коня, ни в тележку, но все пешком. Стало быть сожалеет и о бессловестной твари. Когда утешает, не поймешь, чем и утешает, слов-то скажет совсем мало, но приползешь к нему болен, а от него будто на крылах, до того легко станет...

Сейчас, оставив за спиной монастырскую тропу, Сергий шел по Владимирской дороге, как обычно, пешком, легкой своей стопой, так что в день без труда одолевал верст до полусотни, – с чрезвычайным наказом. Его выходили встречать, сопровождали от села к селу, принаравливаясь к стремительному шагу скорохода, ему жаловались, его засыпали вопросами, ему наказывали молиться – за упокой усопших, о здравии живых...

Но был ли способен самонадеянный и заносчивый Борис воспринять глаголы такого посла? Эко диво: появился бродячий монашек, да мало ли сейчас всяких бродяг-оборванцев шатается из княжества в княжество? А то подговорит какой смышлец двоих-троих, себе подобных, и сбегут в лес – прятаться от податей, а ты его изволь игуменом величать! Не могла, слышь, Москва, снарядить кого повидней? Или совсем там нынче обедняли, что лапотника шлют, лыком подпоясанного?

Борис и для беседы-то не желал принять черноризца. Тот, слышно, надеется упротить его, чтоб шел на Москву – для полюбовного разбора случившейся в доме Константиновичей свары. Пусть сам убирается, откуда появился! Да поживей, пока не навесили ему на руки, на ноги темничных вериг, эти то потяжелее будут, чем монастырские.

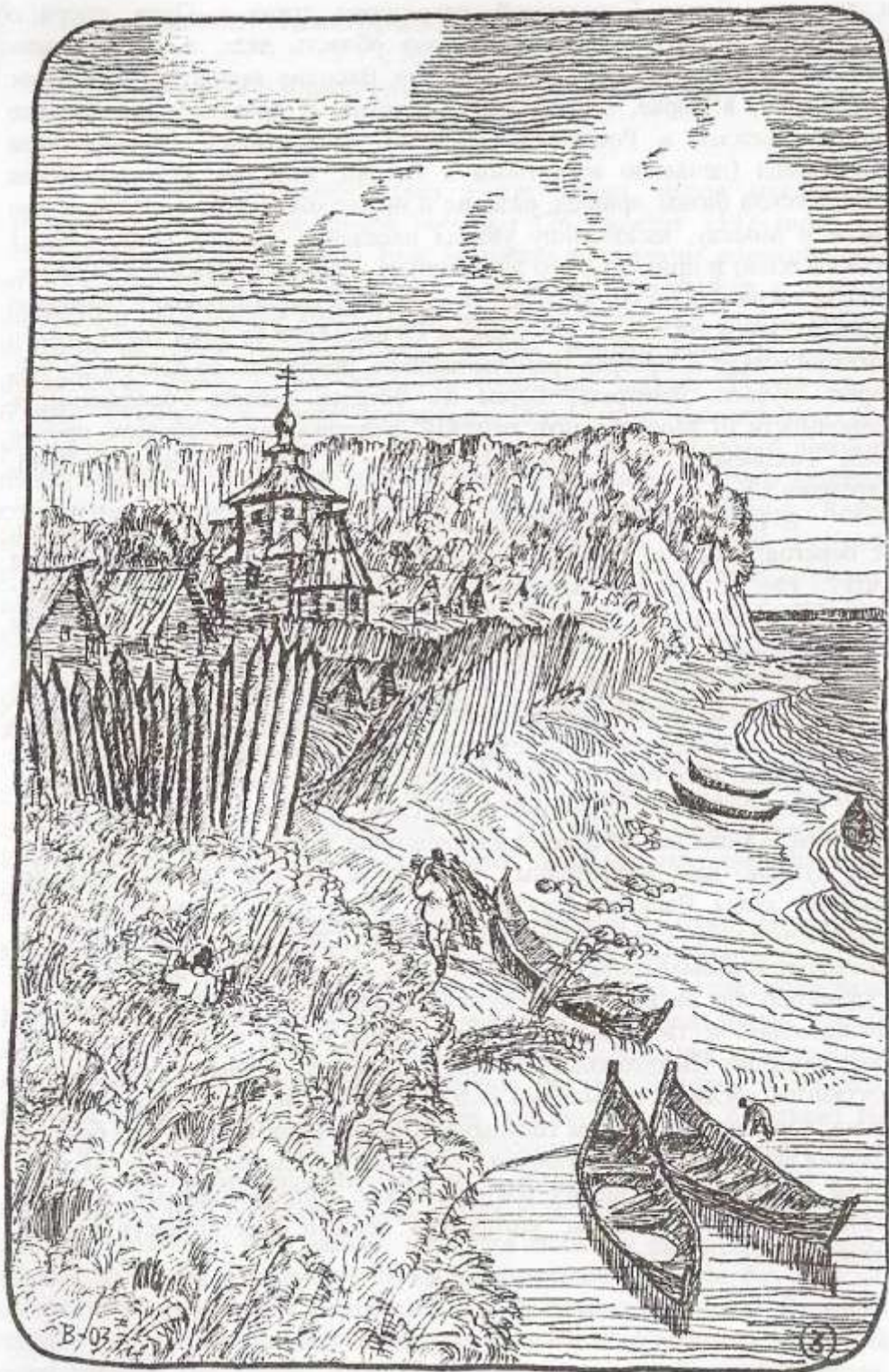
Как-то утром подивила Бориса оцепенелая тишина, нависшая над городом. Почему в соборе и в иных храмах не звонят к обедне? А потому не звонят, доносят ему, что посол московский, велел все церкви в городе затворить и не возобновлять обычной службы до особого на то распоряжения митрополита Алексея и великого князя Дмитрия Ивановича. Да как это он посмел в чужом княжестве хозяйничать! Когда и где слыхано на Руси, чтобы все до единой церкви в городе затворялись своей же властью! Такого и тарарове не делают! Да так, говорят, и посмел, что попы наши послушались и храмов теперь не отворят, хоть пытай их князь каленым железом. Лаврентьевская летопись ясно объясняет нам это событие: «Тогда игумен «по митрополю» велению вся церкви затвориша в Нижнем» Для населения это было жесточайшим наказанием: некрещенные младенцы считались «нехристями», умерших без отпевания в церкви нельзя было предавать земле. Ропот среди нижегородцев стал всеобщим».

В глазах Бориса сверкала ярость, но в груди холодным, замораживающим комом, осела растерянность. А тут еще некстати от верных людей передают: Дмитрий собрал по своему суздальскому уделу великую рать, а московский Дмитрий снарядил ему в помощь великокняжеский полк, идут войска на Нижний. В голове не укладывается: два вчерашних врага, два Дмитрия соединились, и брат ведет на него московскую и суздальские рати!

С малым числом спутников Борис поскакал навстречу, выслав вперед людей с упреждением: меньшей-де хочет покаяться и замириться. А что еще ему оставалось? Ехал сейчас и видел: ну какое войско смог бы он, если даже и захотел, собрать в этих лесах и болотах почти необитаемых? Шутка ли, до самого Бережца – села, стоящего на левой стороне Оки немного выше Усть-Клязьмы, не встретили почти ни единой живой души!

Здесь, в Бережце, Борис и ждал со своими боярами. Насколько искренне повинился Борис, время покажет, но теперь-то все выходило по-доброму: младший отказался от своих претензий на Нижний Новгород, а старший - он мог бы вести себя иначе, в полном был праве и вообще лишить Бориса собственного удела – оставил ему все же Городец с волостями. Княжество богатое, город древний, обширный, валы стоят как горы...

Но больше всех радовались ратники и работники, оторванные этой распрей, на долгих пять лет от семей и родины. А сколько было рассказов и преданий, ведь Василевские трудники видели при жизни самого печальника земли русской, святого Сергия Радонежского: то-то радость; то-то счастье.

Договорная грамота

Видя, сколько бед приносит Русской Земле передача наследования от брата старшего к брату младшему, князь Дмитрий Донской утверждает новый порядок наследования, от отца к старшему сыну. Для чего первым шагом его было четкое разграничение земель, которые кому принадлежат. Он пишет Договорную Грамоту, в которой производит раздел Земли Русской между князем Дмитрием Донским и князем Владимиром Серпуховским (Храбрым), единственным своим братом. По этой грамоте Городец Волжский с волостями переходил во владение Владимира Андреевича. А первая Договорная Грамота, которая дошла до нас в подлиннике, и где впервые, конкретно упоминается Белгородье (т.е. Василева Слобода) была написана в 1405 году между великим князем Василием Дмитриевичем (сыном Дмитрия Донского) и его дядей князем Владимиром Андреевичем Храбрым (Серпуховским), героем Куликовской битвы, в которой дядя называет себя младшим братом своего племянника, т.е. полностью согласен подчиняться роду великих князей Московских. Вот как было написано в этой договорной грамоте: «...се аз князь Василий Дмитриевич, отступил Владимиру Андреевичу в удел и вотчину Городец с волостями, а волости Городецкие, Белгородье, Юрьевец, Корякова Слобода, и Чернякова и Уньженская тамга, и что в Городце и тех волостях пути и пошрины, то все брату моему князю Владимиру и его детям». Умер князь Владимир Андреевич в 1410 году, оставив после себя пять сыновей, которые пережили его на 4-5 лет, а один умер через 2 месяца после отца. В своей духовной записи князь поведал свою последнюю волю: «Отказываю Симеону Боровск и половину Городца, другую половину Ярославу...». К Городцу приписными были и его волости, т.е. Белгородье.

Белгородье по Персидскому В.А.

Первоначально Белгородьем считалось все правобережье Волги от Балахны до Юрьевца. Откуда произошло это красивое, поэтическое слово, название целого края – Белгородье.

В древности Белой Русью называлась Владимиро-Суздальская Русь, отсюда и Белгородье, т.е. Белое Городье – околлица, край, граница Белой Руси, за которой Маура – та сторона, черемиса, дикое заволжье. Родилось это слово в середине XII века. Вначале XIII века оно не имело первоначального смысла, т.к. «белгородьем» к тому времени стали земли у Нижнего Новгорода.

А в начале 20-го столетия губернская комиссия объясняла так: «Белгородье – обширная, густо заселенная полоса вдоль правого волжского берега, от Заволжья до Катунук. Кроме многолюдной Василевой Слободы и Катунук, в Белгородье насчитывается до двух сот деревень и починков – небольших в 3-4 двора». В Нижегородских платежниках XVII века указывается, что центром Белгородья испокон считается Василева Слобода («Действия Нижегородской губернской комиссии», том 16 Нижний Новгород, 1913 год). «Тесть Дмитрия Донского, Нижегородский князь, Дмитрий Константинович, преставился схимником в 1383 году, памятный сооружением каменных стен в Нижнем Новгороде и любовью к Отечественной истории

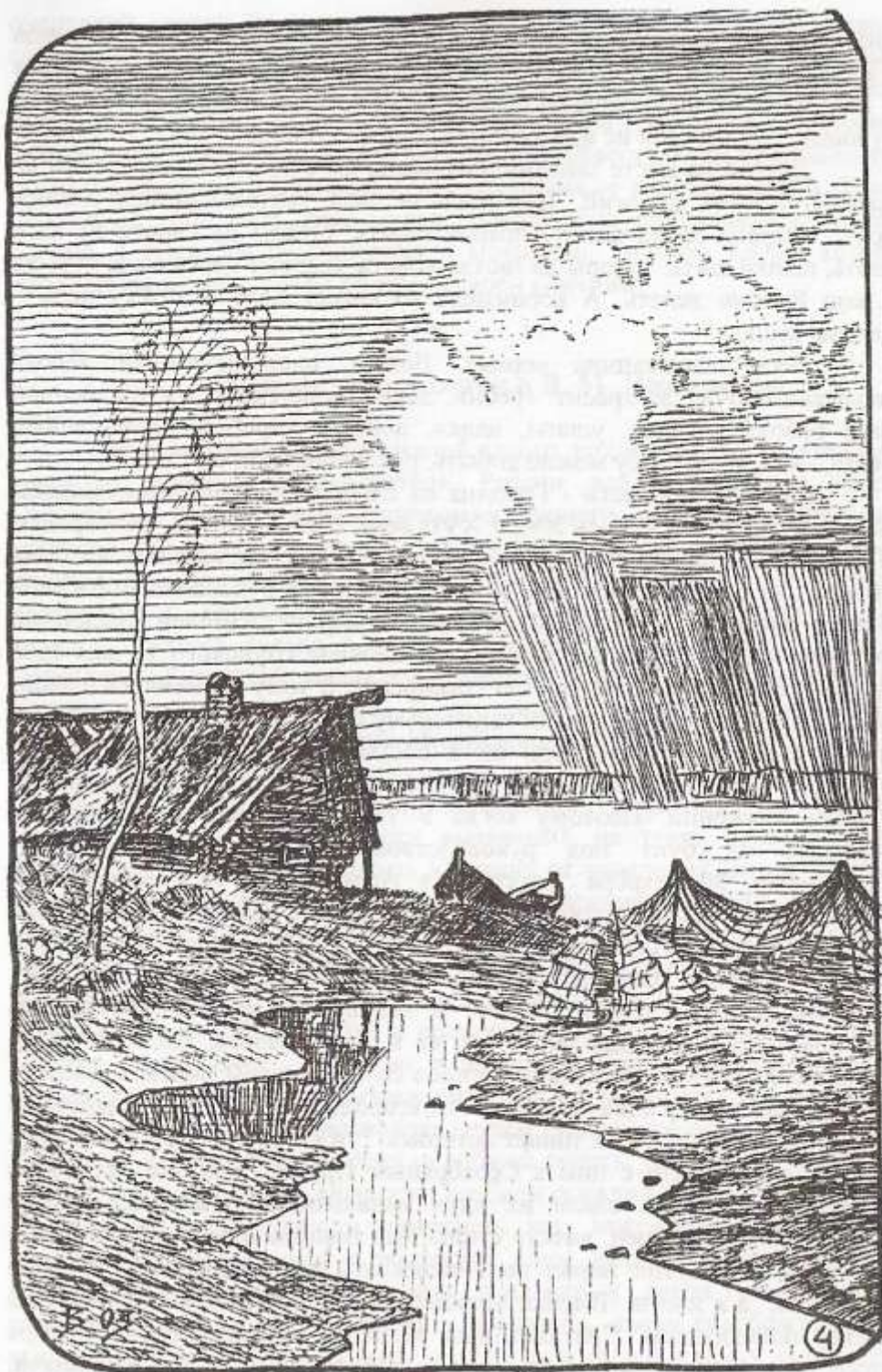
(ибо ему мы обязаны древнейшим харатейным (пергаментным) списком Нестора). Сыновья его и дядя их, Борис Городецкий, находились тогда в Орде, споря о наследстве: хан отдал Нижегородскую область дяде, а племянникам Симеону и Василию, Суздаль, удержав Василия аманатом (как залог лояльности) в Сарае. Скучав долго неволю и праздностью – тщетно пытаясь бежать в Россию, – Василии умоливали, наконец хана Тохтамыша (печально известного в России, как хан, который после Куликовской битвы пришел, разорил и пожег множество городов, в том числе и Москву, наполовину убавил население, многих убив, а иных угнав в плен) и приехал с его жалованною грамотой княжить в Городец.

Но сия милость ханская казалась ему неудовлетворительною с помощью великого князя он и брат его Симеон Суздальский (в 1388 году) отняли Нижний у дяди и, презрев грамоты ханские, обязались, во всяком случае, верно служить Дмитрию; Борис же остался князем Городецким, в зависимости от Московского, который, действуя таким образом против воли Тохтамыша, явно показывал худое к нему уважение». (Н.М. Карамзин, т.V).

В 1392 году казанский царевич Беткут, посланный Тохтамышем, от берегов Волги и Казанки, сквозь дремучие леса к северу, разорил Вятку, где со времен Андрея Боголюбского обитали новгородские выходцы в свободе и независимости, торгуя или сражаясь с чудскими соседственными народами. Изумленные внезапным их нашествием, жители не могли отстоять городов, основанных среди пустынь и болот в течение двухсот лет: одни погибли от меча, другие навеки лишились вольности, уведенные в плен Беткутом; многие спаслись в густоте лесов и предприняли отомстить татарам. Новгородцы, устюжане соединились с ними и, на больших лодках рекою Вятскою доплыв до Волги, разорили Жукотин, Казань болгарские принадлежащие ханам города и пограбили всех купцов, ими встреченных. Однако ж не сей случай, заставил великого князя Василия Дмитриевича, ехать в Орду: намерение его обнаружилось в следствиях, составивших достопамятную эпоху в постепенном возвышении московского княжества. Он был принят в Орде с удивительною ласкою. Еще никто из владетелей российских не видал там подобной чести. Казалось, что не данник, а друг и союзник посетил хана. Утвердив Нижегородскую область за князем Борисом Городецким, Тохтамыш, согласно с мыслями вельмож своих, не усомнился признать Василия наследственным ее государем. Великий князь хотел еще более и получил все по желанию: Городец с волостями, Мещеру, Торусу, Муром. С тем Василий Дмитриевич покинул Орду, сопровождаемый ханским послом царевичем Уланом, который и должен был возвести его на престол Нижегородский.

Слияние Нижегородско-Суздальского княжества с Московским. Летописи о нашествии татар казанских и крымских (1407 год).

Три месяца Василий был в отсутствии, народ московский праздновал возвращение юного государя (26 октября 1392 года) как особенную милость небесную. Еще не доехав до столицы, великий князь из Коломны отправил бояр своих с ханскою грамотой и с послом царевым в Нижний, где князь Борис недоумевал, что ему

делать, собрал вельмож на совет. Но знатнейший из них, именем Румянец оказался предателем. Князь хотел затворить городские ворота.

«Посол царев – сказал Румянец, – и бояре московские едут сюда единственно для утверждения любви и мира с тобою: впусти их и не оскорбляй ложным подозрением. Окруженный нами, верными защитниками, чего можешь страшиться?». Князь согласился и поздно увидел измену. Бояре московские, выехав в город, ударили в колокола, собрали жителей, объявили Василия их государем. Тщетно Борис звал свою дружину, коварный Румянец, отвечивал: «Мы уже не твои», и с другими единомышленниками предал Бориса слугам великокняжеским.

Сам Василий с боярами старейшими прибыл в Нижний, где, учредив новое правление, поручил сию область наместнику, Дмитрию Александровичу Всеволожу.

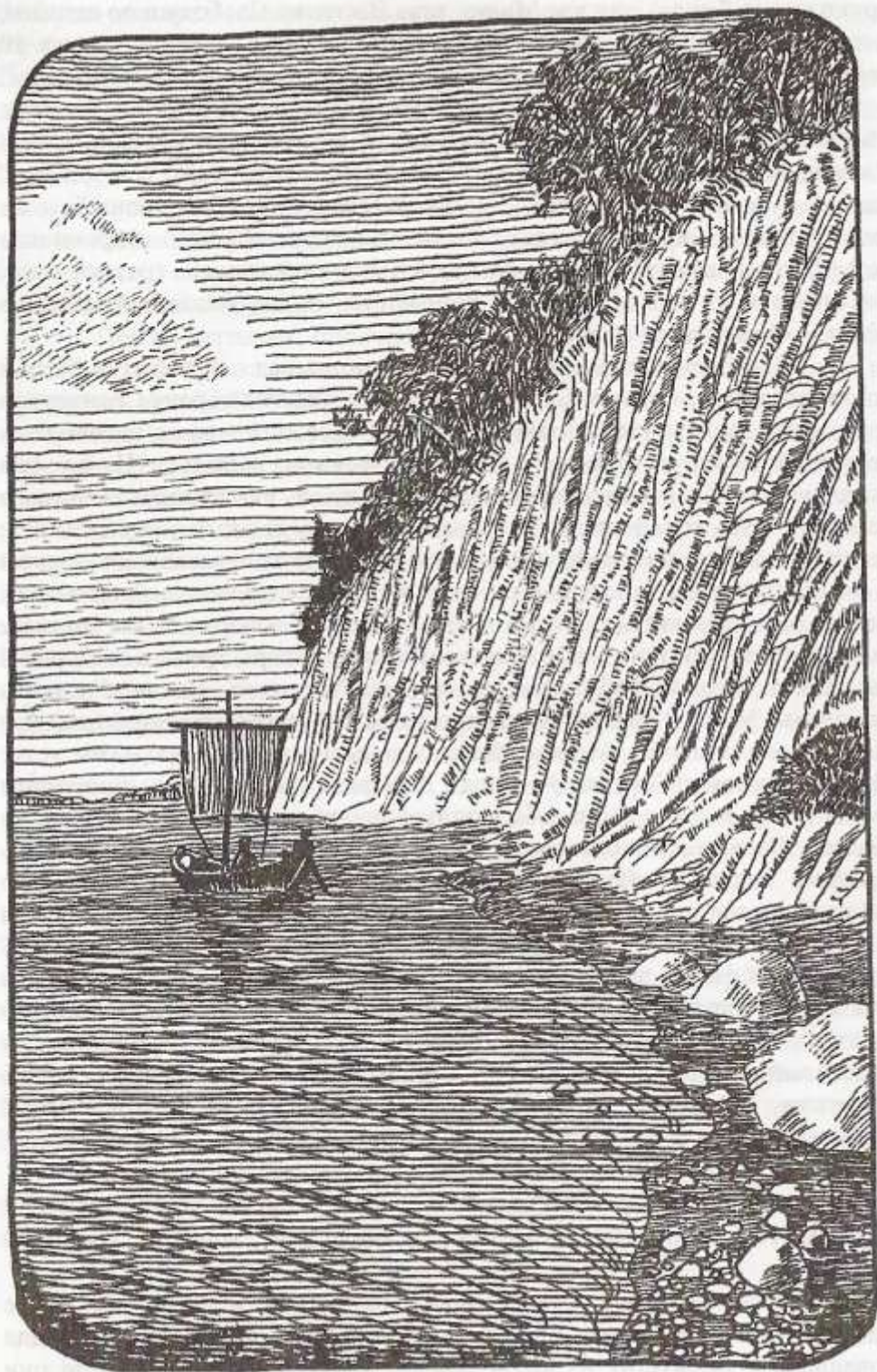
Так рушилось, со своими уделами, особенное княжество Суздальское, коего именем долго называлась сильная держава, основанная Андреем Боголюбским, или все области северо-восточной России между пределами новгородскими, смоленскими, черниговскими и рязанскими.

Борис через два года умер. Его племянники Василий, прозванием Кирдяпа, и Симеон, бежав в Орду, напрасно искали в ней помощи.

В 1407 году хан Эдигей предпринял рейд по неплатящей дани Руси. И хотя силы его были не так велики, как во времена Батые, однако многолетний страх перед татарами парализовал Россию, вскоре были взяты и разорены Переславль Залесский, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород, Городец. Счастлив, кто мог спастись бегством! Не было ни малейшего сопротивления. Россияне казались стадом овец, терзаемых хищными волками. Граждане, земледельцы падали ниц перед варварами, ждали решения судьбы своей, и моголы отсекали им головы или расстреливали их в забаву, избирали любых в невольники, других только обнажали, но сии несчастные, оставляемые без крова, без одежды, среди глубоких снегов в жертву страшному холоду и метелям, большею частью умирали. Пленников связывали, вели как псов на смычка; иногда один татарин гнал перед собою человек до сорока, Русь обезлюдела. Великий князь Василий Васильевич Темный снисходительно поступил с внуками Кирдяпы: поставил их господствовать в 1449 году в Нижнем Новгороде, в Городце, в Суздале с условием, чтобы они признали его своим верховным повелителем, отдали ему древние ярлыки ханские на сей удел, не брали новых и вообще не имели сношений с Ордою.

Перемены после взятия Казани

Семьдесят лет правления великих князей Ивана III и Василия III прошли для Василевой слободы в покое и без потрясений. В Московском княжестве и рядом, в Н.Новгороде, собирались рати, строились корабли, воевалась неоднократно Казанская орда, так продолжалось до 1521 года, когда крымский хан Магмет-Гирей огнем и мечом прошел по всей Нижегородчине, спалил дотла и разорил как Нижний Новгород, так и Городец, и, оставив Василеву Слободу в стороне, по Оке направился на Муром. Потом относительная тишина сохранялась до воцарения на престол трехлетнего Иоанна IV. При разброде боярского правления Россия ослабла, и

разоряли ее безнаказно со всех сторон. В этой обстановке поднялись и бунтовали все соседствующие народы, которые временно притихли под более мощной рукой московских князей. Один из летописцев сравнивает бедствия сего времени с Батыевым нашествием, говоря: «Батый протек молниєю Русскую землю, казанцы же не выходили из ее пределов и лили кровь христиан, как воду. Беззащитные укрывались в лесах и в пещерах; места бывших селении заросли диким кустарником.

Обратив монастыри в пепел, неверные жили и спали в церквах, пили из святых сосудов, обдирали иконы для украшения жен своих усерзьями и монистами, сыпали горящие угли в сапоги инокам и заставляли их плясать; оскверняли юных монахинь; кого не брали в плен, тем выкалывали глаза, обрезывали уши, нос; отсекали ноги и – что всего ужасней – многих приводили в веру свою, а сии несчастные сами гнали христиан как лютые враги их. Пишу не по слуху, но виденное мною и чего никогда забыть не могу».

Никоновская летопись упонимает, что в 1536 году, как ураган промчались по Поволжью казанские татары. Были разграблены и частью уничтожены Городец, Балахна, Юрьевец и Василева Слобода. Видимо с той поры и стали строить при сельских церквях звонницы таким образом, чтобы с каждой было видно минимум две соседние, чтобы при приближении противника подавать сигнал, зажигая костер наверху. С Катунского Троицкого собора видна Беловская и Василевская, с Беловской – Новинская и Сицкая, с Сицкой видна церковь св. Ильи и Пуреховская, с Пуреховской Вершиловская и так до Городца.

Можно представить какое ликование обуюло народ василевский, как истово молились они в Церквах, когда в 1552 году пришло известие о том, что коварный и жестокий сосед, который 115 лет без передышки воевал, грабил, пленил окраины Нижегородчины, побежден. Казань взята на меч и присоединена к Московскому княжеству. Все народности Горной стороны Волги покорились: мордва, чуваш, вотяки (в Арской области), черемисы и башкирцы (вверх по Каме). Но бунты этих народов продолжались еще пять лет, и окончательный мир наступил лишь в 1557 году.

С этого времени многое начало меняться в Василевой Слободе. После создания регулярного войска стрелецкого, Василева слобода зажила уже только хозяйственными и торговыми делами. В Городце стояла постоянная стрелецкая дружина, а Василевские ратники призывались только в случаях крайней необходимости, т.е. в военном отношении она потеряла свое значение. Иван IV понимал, что пока удельные князья и бояре будут жить обособленно, не завися от великого стола Московского, т.е. государем каждый в своем уделе, дисциплины и подчинения ждать не приходится. Потом удельные имели право перехода под руку других государей и это не считалось изменой. Многие князья уходили под руку государей Литовских, Польских, а иные приходили служить в Московию, где их наделяли землями крестьянами и ждали от них верной службы. Чтобы изменить существующий порядок вещей царь разделил всю Русь на 2 части, одна стала называться земщиной, а вторая опричниной. Набрав в опричнину верных лично ему людей, не именитых, сначала 1 тысячу, а потом 6000 человек, Иван Васильевич все лучшие земли взял под свою руку. Удельные помещики лишались своих уделов, а взамен получали земли в других местах, мелкопоместные дворяне, которые служили удельным, вынуждены

были теперь служить государю. Знаменитый историк К. Валишевский пишет: «Опричнина совершенно изменила это положение, заставив служить всех одному государю. Кроме того опричнина уничтожила частные военные силы, опираясь на которые непокорные вотчинники были часто для царя опаснее внешних врагов. Она провозгласила принцип личной службы и установила на всей территории государства систему прямых и косвенных налогов, взимаемых в казну».

Нельзя отрицать того, что опричнина имела ввиду некоторые экономические и финансовые задачи. Этим объясняется захватить те города, которые имели важное торговое значение. Замечательно, что купцы таких городов не заявляли недовольства такой переменой режима». Достаточно сказать, что самые богатые российские купцы Строгановы поддерживали опричнину, а английские торговые компании, как милости, просили, чтобы их подчинили опричнине. В «Уставе Опришнины» написано: «Взяты в опришнину города и волости ...». Далее идет большое количество перечисленных городов и волостей, предназначенных для поощрения верных слуг – опричников, чтобы укрепить их в верности лично царю и привязать к добросовестному служению.

Царь В. И. Шуйский и его слобода

В 1565 году, восемнадцатилетний боярин – опричник Василий Иванович Шуйский получает от государя за верную службу Белгородье, во главе с Василевой Слободой. Надо отметить, что Шуйский долго ходил в любимчиках у Ивана Васильевича. А на седьмой свадьбе царя, когда он брал в жены Марию Нагую, которая родила столь известного в истории и несчастного царевича Дмитрия, Шуйский был удостоен чести быть дружкой самого жениха – царя.

Василий Иванович Шуйский имел большую и влиятельную родню, относился по званию к князьям, а древностью рода мог соперничать с самим царем, так как происходили тоже от рода Рюриковичей. Будучи опытным царедворцем, он был у кормила власти при Иване Грозном, при Федоре Иоановиче, при Борисе Годунове, но основной талант его проявился при царе Лжедмитрии I. Зная непостоянство сильных мира сего, Василий Иванович приказал начать строительство дворца в своей вотчине в Василевой Слободе на берегу, но сам так ни разу и не побывал в нем.

Карамзин отмечает: «В смятении ужаса признав бродягу царем, вместе с иными боярами, он менее всех мог извиниться заблуждением, ибо собственными глазами видел Иоаннова сына во гробе. Терзаясь ли горестию и стыдом или имея уже дальновидные тайные замыслы властолюбия, Шуйский недолго безмолвствовал в столице: сказал ближним, друзьям, приятелям, что Россия у ног обманщика: внушал и народу, чрез своих поверенных, купца Феодора Конева и других, что Годунов и святитель Иов объявляли совершенную правду о Самозванце, еретике, орудии ляхов и капистов.

Еще Лжедмитрий имел много ревностных слуг: Басманов узнал и донес ему о кове, опасном знатностью виновника. Взяли Шуйского с братьями под стражу и велели судить, как дотоле еще никого не судили в России: собором, избранными

людьми всех чинов и званий. Летописец уверяет, что князь Василий в сем единственном случае жизни своей явил себя героем: не отрицался, смело, великодушно говорил истину, к искреннему и лицемерному ужасу судей, которые хотели заглушить ее воплем, проклятая такая хула на венценосца.

Шуйского пытали: он молчал, не назвал никого из соумышленников и был один приговорен к смертной казни: братьев его лишили только свободы. В глубокой тишине народ теснился вокруг лобного места, где стоял осужденный боярин (как бывало в Иоанново время) подле секиры и плахи, между дружинами воинов, стрельцов и казаков; на стенах и башнях кремлевских также блистало оружие, для устрашения москвитян, и Петр Басманов, держа бумагу, читал народу от имени царского: «Великий боярин, князь Василий Иванович Шуйский, изменил мне законному государю вашему, Дмитрию Иоанновичу всея Руси; коварствовал, злословил, ссорил меня с Вами, добрыми подданными: называл лжецарем; хотел свергнуть с престола. Для того осужден на казнь: да умрет за измену и вероломство!»

Народ безмолствовал в горести, издавна любя Шуйских, и пролил слезы, когда несчастный князь Василий, уже обнажаемый палачом, громко воскликнул к зрителям: «Братья! Умираю за истину, за веру христианскую и за вас!». Уже голова осужденного лежала на плахе... Вдруг слышат крик: «Стой!» – и видят царского чиновника, скачущего из Кремля к лобному месту с указом в руке: объявляют помилование Шуйскому.” Далее мы узнаем, что через шесть месяцев ссылки Самозванец простил Шуйских, возвратил им богатство и знатность, в удовольствие их многочисленных друзей, которые умели хитро ослепить его прелестью такого великодушия и, вероятно, уже не без намерения, губительного для лжецаря. Всеми уважаемый как первостепенный муж государственный и потомок Рюриков, Василий Шуйский был тогда идолом народа, прославив себя неустрашимой твердостью в обличении самозванца: пытки и плаха дали ему в глазах россиян блистательный венец героя-мученика, и никто из бояр не мог, в случае народного движения, иметь столько власти над умами, как сей князь, равно честолобивый, лукавый и смелый. Дав на себя письменное обязательство в верности Лжедмитрию, он возвратился в столицу, по-видимому, другим человеком: казался усерднейшим его слугою и снискал в нем особенную доверенность, вопреки мнению некоторых ближних людей Самозванца, которые говорили, что можно из милосердия, иногда одобряемого политикою, не казнить изменника и клятвопреступника, но безрассудно верить его новой клятве; что Шуйский, не видав от Дмитрия ничего, кроме благоволения, замышлял его гибель, а претерпев от него бесчестие, муки, ужас смерти, конечно, не исполнился любви к своему карателю, хотя и правосудному: исполнился, вероятнее, злобы и мести, скрываемых под личиною раскаяния. Они говорили истину: Шуйский возвратился с тем, чтобы погибнуть или погубить Лжедмитрия. Но легкоумный, гордый Самозванец, хваляся еще не столько благостию, сколько бесстрашием, отвечал, что, находя искренне удовольствие в милости, любит прощать совершенно, не в половину, и без греха не может чего-нибудь страшиться, быв от самой колыбели чудесно и явно храним Богом. Он хотел, чтобы князь Василий, подобно Мстиславскому, избрал себе знатную невесту; Шуйский выбрал княжну Буйносову-Ростовскую, свойственницу Нагих, и должен был жениться через несколько дней

после царской свадьбы, одним словом, быв угодником Иоанновым и Борисовым, обворожил расстригу нехитрого, сделался его советником, и не для того, чтобы советовать ему доброе».

После свадьбы Лжедмитрия, на которой Василий Иванович был дружкой Марины Мнишек, бояре и ближние проводили молодых до спальни, а Шуйский был удостоен чести проводить их до постели. Войдя в доверие Самозванцу, Василий Иванович готовил обширный заговор по свержению лжецаря.

А между тем Василева Слобода жила в мире, платя вполне посильную и не обременительную подать Шуйскому. Население быстро прибывало, вокруг дворца, построенного по приказу князя, стали строиться более зажиточные василевцы, появилось Подлужье, большой толчок к росту давал еженедельный рынок-базар, на берегу появились целые ряды торговых лавок. Питались василевцы для того времени хорошо, сытно и одновременно просто. В обширных лугах, которые простирались вверх по течению Волги, до Катунки, вниз до Заволжья, паслись обильные стада, собирався дикий лук, чеснок, щавель, заготавливалось в огромных количествах сено. Волга и ее притоки, мелкие речки обеспечивали жителей рыбой, которая водилась в изобилии от стерляди до вяна и ерша. Наличие рек и притоков заставляло держать в больших количествах домашнюю птицу гусей, уток и, конечно же, кур. На островах и в лугах была отлажена ловля силками диких уток, гусей, журавлей, чирков, нырков. В лесах большая охота на лося, волка, лису, зайца, глухаря, тетерева, рябчика. На той стороне на обширных болотах росла клюква, брусника, гонобобель, высокий берег своей стороны краснел от изобилия земляники, по краям гор стояли заросли орешника (фундук), который заготавливали мешками. Окрестные леса снабжали грибами, малиной, смородиной, рябиной, калиной. Леса же заставляли жителей собирать дикий мед, пересаживать диких пчел в ульи и заниматься бортничеством, т.е. пчеловодством. На огородах и островах в больших количествах сажали овощи, особенно капусту и репу из последней готовили и 1-ые и 2-е блюда. На полях сеяли рожь, просо, овес, ячмень. Для выполнения этих работ от василевцев требовалось умение плести корзины, благо все берега Воложки были заросшие лозняком, делать бочки, ульи, плести сети, невода, бредни. Строились завозни для перевозки сена, дров, лодки. Появилось много мастеров, изготавливающих деревянную посуду, ложки, ополовники. Первые попытки изготавливать глиняную посуду тоже увенчались успехом из-за наличия голубых и белых глин.

Еще лучше об этом времени писал П. И. Мельников (Андрей Печерский): «В лесном Верховом Заволжье деревни малые, зато частые, одна от другой на версту, на две. Земля холодна, неродима, своего хлеба мужику разве до масленой хватит, и то в урожайный год! Как бы ни бейся на надельной полосе, сколько страды на ней ни принимай, круглый год трудовым хлебом себя не прокормишь. Такова сторона!

Другой на месте заволжанина давно бы с голода помер, но он не лежебок, человек досужий. Чего земля не дала, умением за дело взяться берет... Вареги начал вязать, поярок валять, шляпы да сапоги из него делать, шапки шить, топоры да гвозди ковать, весовые коромысла чуть не на всю Россию делать. А коромысла то какие! Хотя в аптеку бери – сделаны верно.

Леса заволжанина кормят. Ложки, плошки, чашки, блюда заволжанин точит да красит: гребни, донца, веретена и другой щепной товар работает, ведра, ушаты, кадки, лопаты, коробыя, весла, лейки, ковши, — все, что из лесу можно добыть, рук его не минует».

Впоследствии на производстве одного-двух видов товаров стали специализироваться целые районы и города: лесное Заволжье - на производстве резной крашеной посуды, Балахна — изготовление полихромных изразцов, Василово - причудливых форм глиняной посуды, Катунки — выделка кож, Макарьев — обитых железом сундуков — подголовников, Павлово на Оке — замков и ножей.

Центром кузнечного производства в крае в 17 веке были частновладельческие села Павлово на Оке, Лысково, Пурех. Кованным со сложно профильным убранством металлические створы дверей Спассо-Преображенского собора с. Пуреха выполненные кузнецом полковника Д.М.Пожарского Архипкой Корниловым «сотоварищи», сегодня гордо экспонируются в Государственном Историческом музее на Красной площади в Москве, там же можно увидеть целые наборы пуреховских поддужных Колокольцев и бубенцов.

Влияние крепости — Городца на слободу заметно уменьшилось. Она сама сначала XV, весь XVI и XVII века, была центром Белгородья, на территории царского дворца жили царские же приказчики, которые собирали налоги. Василевы успешно справлялись с руководящей работой родного края. Гордостью переполнялись сердца жителей Василевой Слободы, когда их хозяина, Василия Ивановича Шуйского 19 мая 1606 года венчали в Москве на царство Российское. К тому времени василевцы уже 45 лет выплачивали подати нынешнему царю, да и по родству он был близок к нижегородцам, ведь он в восьмом колене происходил от Дмитрия Константиновича Суздальского, спорившего с Донским о великом княжении. Поэтому когда в 1607 году вся южная Россия поднялась на бунт под руководством холопа Ивана Исаевича Болотникова, 30 декабря «восстали в Арзамасском и в Алатырском уездах: мордва, холопы, крестьяне грабили, резали царских чиновников и дворян, утопили Алатырского воеводу Сабурова, осадили Нижний Новгород именем Лжедмитрия», Василева Слобода более склонная к торговым делам, а бунты мешают и нарушают торговлю, оставалась спокойной и сонной, как будто это ее и не касалось. Но бунт скоро умилили и на Нижегородчину пришел со стрельцким войском воевода Пушкин, который взял Нижний Новгород, усмирил восставших в Арзамасе, Ардатове и как пишет летопись: «...и еще приспел к Хилкову в Каширу, чтобы идти с ним к Серебряным Прудам, где они истребили скопище злодеев и взяли их двух начальников». Наконец в Туле Болотников был пленен, вместе с ним был пойман Лжепетр (который в течении 4 лет мучил народ по Поволжью), якобы сын царя Федора Иоановича, а в жизни Илейка Муромец. Василий Иванович вернулся в Москву победителем. Праздник был великий, звонили колокола, царь торжественно выехал в сопровождении двух тысяч нарядных всадников, в колеснице на прекрасных белых конях. И хотя с запада угрожал очередной второй Лжедмитрии, но Шуский вспомнил наконец о своем счастье и невесте: «...жестокою политикою лишенный удовольствия быть супругом и отцом в летах цветущих, спешил вкусить его хотя в летах преклонных и женился на Марии, дочери Петра Ивановича Буйносова-

Ростовского. В качестве свадебного подарка невесте были приподнесены доходы с Василевой Слободы для содержания ее царского двора. Таким образом, с 1608 года наша малая родина стала принадлежать сначала царице, а после ее пострижения в монахини, инокине Елене, которая продолжала владеть селом до самой своей кончины».

Первые упоминания о Д. М. Пожарском

Избалованные частой сменой власти, подверженные к мятежам, в каком-то умопомрачении жители России все делали для гибели Отечества. Только что, уничтожив одного лжецаря, предавали узаконенного царем Шуйского второму Дмитрию, уничтожалась совесть Родины, ее духовенство, везде противившееся мятежу. Из Польши прибывали и прибывали новые группы мятежников, верных царю городов осталось только в Москве Троице-Сергиева Лавра, Коломна, Переславль Рязанский, вдали – Смоленск, Нижний Новгород, Саратов, Казань и города сибирские. В это очень тяжелое время впервые прозвучало имя князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Происходя от Всеволода III, князей Стародубских, царедворец бесчиновный во времена Бориса и Федора Годуновых, получивший стольника от Гришки Отрепьева, опасностями России вызванный на театр кровопролития: «...должен был вторично защитить Коломну от нападения Литвы и наших изменников, шедших из Владимира. Пожарский не стал ждать их: встретил в селе Высоцком, в тридцати верстах от Коломны, и на утренней заре внезапным, сильным ударом изумил неприятеля; взял множество пленников, запасов, богатую казну, одержал победу с малым уроном, явив не только смелость, но и редкое искусство, в предвещии своего великого назначения». Тогда же в наших родных краях судьба начала благоприятствовать царю: «мятежники, мордва, черемиса, Лжедмитриевы шайки, ляхи, россияне с воеводою князем Вяземским осаждали Нижний Новгород: верные жители обрекли себя на смерть; простились с женами, детьми, и единодушно вылазкою разбили осаждающих наголову: взяли Вяземского и немедленно повесили как изменника. Так добрые нижегородцы воспрянули к подвигам, коим надлежало увенчаться их бессмертною, святою, для самых отдаленных веков утешительною славою в нашей истории». Они не успокоились своим освобождением, а выступили и освободили Балахну, взяли с ее жителей присягу на верность Василию: обратили к закону и другие низовые города, воспламеняя в них ревность добродетельную. Восстали и жители Юрьевца, Гороховца, Луха, Решмы, Холуя, Победители взяли многих недостойных дворян, отправили как пленников в Нижний Новгород и разорили их имения и дома. Боярин Шереметьев, двигаясь от Казани, устанавливал везде законную власть, побеждая мятежников и изменников в мелких и крупных стычках. Особенно важную победу он одержал около Юрьевца, где наголову побил Лисовского, коего Сапега послал умирять Костромскую область. Еще трижды в летописях того времени описаны подвиги великого нашего земляка, князя Дмитрия Михайловича Пожарского, первый когда царским повелением он был послан бороться с разбойниками атамана Салкова, с которыми не могли справиться правительственные войска, Пожарский не

только разбил их и рассеял, освободив Владимирскую дорогу, но и вынудил атамана с тридцатью сподвижниками явиться с повинной головой в Москву на суд царя. Второй подвиг Пожарский совершил, будучи воеводой города Зарайска, когда все Рязанское княжество отделилось от Москвы и перешло под руку Лжедмитрия II кроме одного единственного города Зарайска. Во время Московского восстания против засилия ляхов Дмитрий Михайлович последним покинул улицы сожженной Москвы, будучи несколько раз ранен и посечен в рукопашных схватках. Сподвижники едва сумели вывезти, потерявшего сознание от потери крови князя в Троице-Сергиеву Лавру.

Конец Шуйских, хозяйка Слободы – монахиня

Изменники, сговорившись, решили свергнуть уже ненавистного всем царя Василия Шуйского. Они пришли и предложили ему пострижение в монахи. Но Шуйский отказался с великой твердостью. Тогда его постригли насильно, а слова монашеского обета, произносил князь Туренин взамен молчавшего царя. «Постригли и несчастную царицу Марию, также безмолвную в обетах, но красноречивую в изъявлении любви к супругу: она рвалась к нему, стенала, называла его своим государем милым, царем великим народа недостойного, ее супругом законным и в рясе инока». Их развезли и разлучили силою, бывший царь был заключен в Чудовский монастырь, а хозяйка Василевой Слободы в Ивановский, позднее ее перевели на постоянную молитву в Суздальскую девичью обитель. Но злоключения Шуйского на этом не кончились. Уезжая на аудиенцию к королю Сигизмунду, гетман Жолкевский, вопреки обещаниям, взял как пленника бывшего гордого царя в Варшаву, где и представил его королю вместе с привезенными трофеями. “Все взоры устремились на Василия, безмолвного и неподвижного. Хотели, чтобы он поклонился королю. «Царь московский – ответствен Василий, – не кланяется королям. Судьбами всевышнего я пленник, но взят не вашими руками: выдан вам моими подданными – изменниками». «Его твердость, величие, разум заслужили удивление ляхов, – говорит летописец, – и Василии, лишенный венца, сделался честью России».

Инок Василий вместе с братьями был умерщвлен и похоронен в Краковском предместьи Варшавы. Прах Шуйских был перевезен и перезахоронен с пышной торжественностью на Родине во время царствования Михаила Романова.

Самозванцы

Летописец, удивляясь легковерию россиян, писал: «Злодеи рабского племени: холопы, крестьяне, считая Россию привольем наглых обманщиков, являлись один за другим под именем царевичей, даже небывалых, и надеялись властвовать в ней, как союзники и ближние тушынского злодея»:

1. Лжедмитрий I.
2. Лжедмитрий II.
3. ЛжеПетр первый сын Федора Иоановича.
4. ЛжеФедор – второй сын.

5.Август - Лжедмитрий III.

6.Осиновик – лжевнук Иоанна Грозного.

7.Лавр – второй лжевнук Грозного.

Это только знаменитые, которые шли к Москве со своими войсками, а были еще многие, которых история не отметила своим вниманием. Вплоть до того, что уже после смуты заграницей появлялись лжедети царя страдальца Василия Шуйского, после которого два года правила Семибоярщина, окончательно скомпрометировавшая существующую власть.

Кроме летописи, материал о самозванцах, я нашел только в словаре, «знаменитых имен», под графой «самозванство» – присвоение чужого имени и звания выходцами из нижних слоев русского общества, преследовавших социальные, династические, иногда корыстные, мошеннические цели. Часто в самозванстве находил выражение протест народных масс, принимавших наивно-монархическую окраску. Широкое распространение именно в России самозванство получило из-за доброты и доверчивости народа. Как правило, самозванцы появлялись в моменты обострения социально-экономической ситуации в стране, ухудшения жизни народных масс (войны, голод, неурожай, рост податей и т. д.) Первый известный самозванец Лжедмитрий I, выдававший себя за убитого в 1591 году царевича Дмитрия. Вскоре после его убийства появился Лжедмитрий II («Тушинский вор»), а в 1611 году – Лжедмитрий III в Псковской земле, некий Сидорка. Он выдавал себя за якобы спасшегося Лжедмитрия II. Поначалу его деятельность была успешна. Псков даже присягнул ему. Чтобы подавить бунт псковичей, возглавляемый «псковским ворм», правительство послало И. Клещева, который сулил захватить Сидорку, отправить его в Москву. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Во время крестьянского восстания 1606-1607 г. Одним из его вождей был Илейка Муромец, принявший имя царевича Петра, мнимого сына царя Федора Иоанновича.

Много самозванцев появилось при царе Василии Шуйском. Они выдавали себя за сыновей Ивана IV или его внуков.

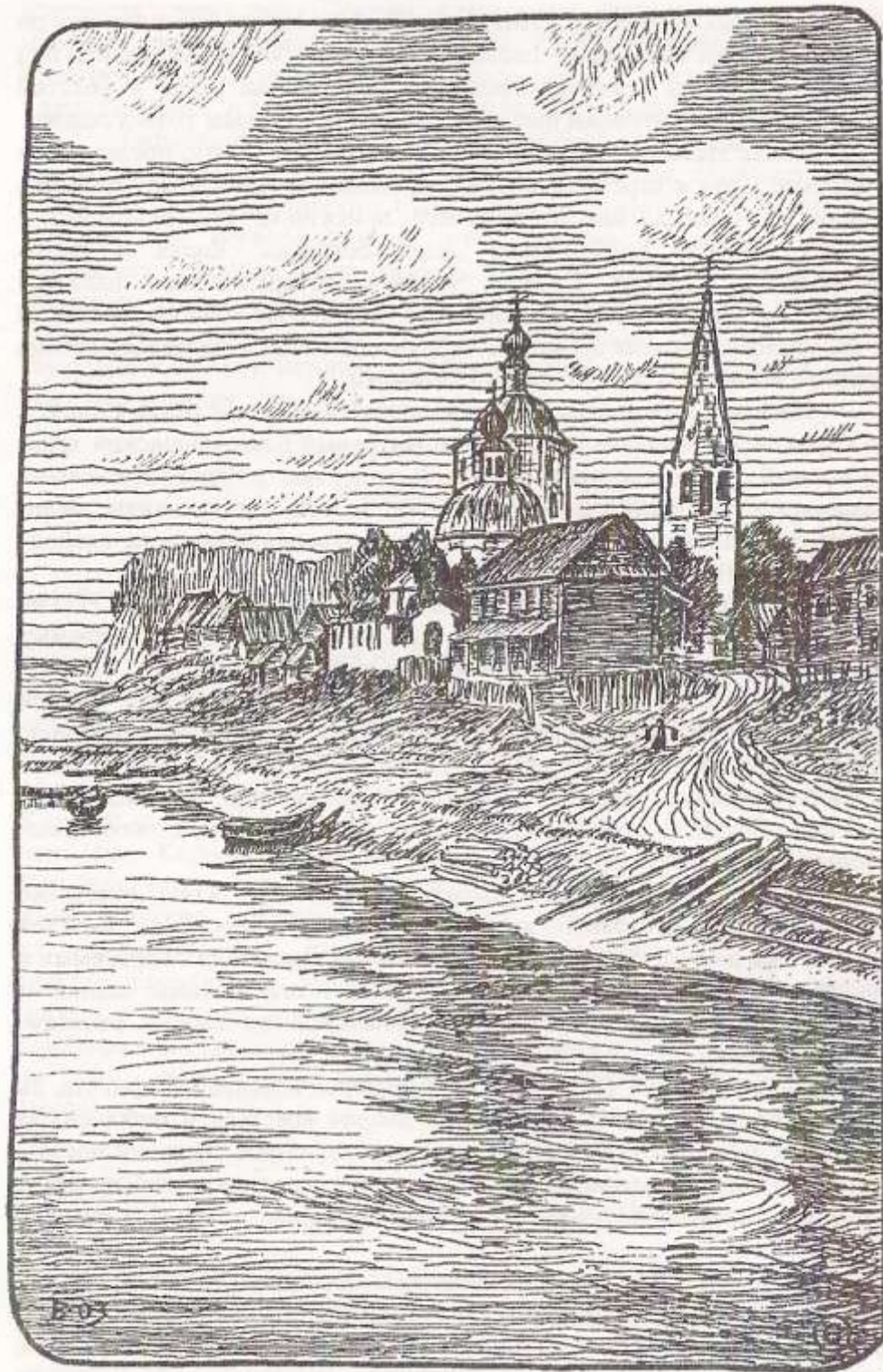
При первых Романовых самозванцы выдавали себя за сыновей Дмитрия и Марины Мнишек (например, Иван Вергуnenок из Лубян) или царя Василия Шуйского (Тимошка Анкудинов).

Во время крестьянской войны 1670-1671г.г. в войске Степана Разина были мнимые сыновья царя Алексея Михайловича. Были лжесыновья и у Петра I: в 30-е годы XVIII века ими называли себя Л.Стародубцев, Т. Труженик, А. Холщевников и другие.

В 1760 – 90 г.г. в России появилось более двадцати самозванцев, которые выступали под именем Петра III. Из них наиболее выдающимся был Емельян Пугачев.

В 70-ые годы XVIII века за границей объявилась «дочь» императрицы Елизаветы Петровны – Княжна Тараканова, обманом доставленная в Россию князем А.Г.Орловым – Чесменским (умерла в 1715 году в Петропавловской крепости).

В XX веке на Западе появились во множестве самозванцы, выдававшие себя за чудом спасшихся от гибели детей императора Николая II – Алексея и Анастасию.

Василева Слобода

Василева Слобода, несмотря на неоднократные разорения «изгоном» проходящими вдоль Волги по нагорью отрядами поляков, литовцев и казаков, оставалась богатым торгово-промышленным селом уже Балахнинского уезда. Над местом слияния реки Санохты с Волгой на рубеже XVI- XVII веков возвышался погост из двух бревенчатых храмов: холодного, освященного в честь Воскресения Христова, и теплого придельного – в честь Николы Чудотворца, с отдельно стоящей шатровой рубленой колокольней. Тут же стояли в ряд три двора церковного притча и просторная усадьба царицы, где постоянно жили ее приказные, а так же восемь келий нищих. В некотором отдалении, выше по горе стоял Благовещенский храм, возле которого роились пятьдесят девять крестьянских дворов. Ближе к Волге, на террасе высокого берега, располагался местный торг, а прямо у пристани государев кабак. Это было крупное по тем временам приволжское село, приносившее царице вместе с приписанными к нему деревнями, починками и пустошами значительные доходы.

1612 г. – ополчение и поляки на нижегородчине

Смертельная опасность, нависшая над Родиной, заставила граждан забыть свои личные беды, подняться на защиту Отчизны. Преодоление «Смуты» высветило лучшие черты русских людей - стойкость, мужество, беззаветную преданность родной земле, готовность ради нее пожертвовать жизнью.

Главная патриотическая волна, родившаяся в Нижнем Новгороде, поставила во главе народного движения простого гражданина Кузьму Минина и князя Дмитрия Пожарского.

Собранное ими ополчение готовилось двинуться на Москву, через Гороховец и Владимир. Но в феврале 1612 года казаки, посланные атаманом Иваном Заруцким, ворвались и ограбили Ярославль. Это изменило все первоначальные планы главного воеводы. И в начале марта ополчение получило распоряжение выступить из Нижнего Новгорода в поход для освобождения столицы Российского государства, но вдоль Волги, устанавливая везде законную власть и свергая ставленников «семибоярщины».

Хорошо вооруженное и обученное ополчение двинулось в поход по правому берегу Волги. Первая остановка состоялась в Балахне. Запаслись с избытком хлеба, за все товары расплачивались наличными деньгами. Вторая остановка планировалась в Василевой Слободе, туда были посланы гонцы, чтобы готовили места для ночлега, дрова на костры и готовку пищи, но главное, чтобы слободчане наловили как можно больше рыбы.

Вот как описывает писатель Костылев В. Василевский привал ополчения: «Следующая остановка была в любимой Кузьмою Василевой слободе, вотчине Василия Шуйского. На высоком берегу, над Волгой, раскинулась она в соседстве с дремучим лесом. Направо, налево – волжские просторы, ширь, величественные дали.

В этот вечер весна дала знать о себе. На откосе из-под снежного покрова обнажилась земля. Река совсем почернела, закраины отошли от берегов чуть ли не до середины – вот-вот пойдет вода. Вороны, взлетая с высокого нагорья, спускаются вниз на Волгу. В красноватом от вечерней зари воздухе тихо шелестят знамена. Слышно пение, какого-то подгулявшего Василевского жителя:

*Ты воспой, воспой, молодой жавороночек,
Весной на проталенке,
Возвесели меня, доброго молодца...*

Минин стоит на откосе, смотрит вдаль и вспоминает, как он ходил сюда в детстве из Балахны к тетке. «Когда война кончится поселиться бы мне здесь навсегда в Василеве, отойдя от бояр и дворян и всякой служилой суеты.... Провести бы старость здесь, среди деревень, в соседстве с матушкой Волгой».

И люди в Василеве крепкие. Издавна славились своей отвагой. Вместе с ними Кузьма бил здесь панов, пытавшихся обратить Василево в свою вотчину. Вместе с василевцами, побив непрошенных гостей, зарывал он их кости в глубокие могилы. Вместе с василевцами на память внукам насыпал он и высокие курганы над побитыми панами.

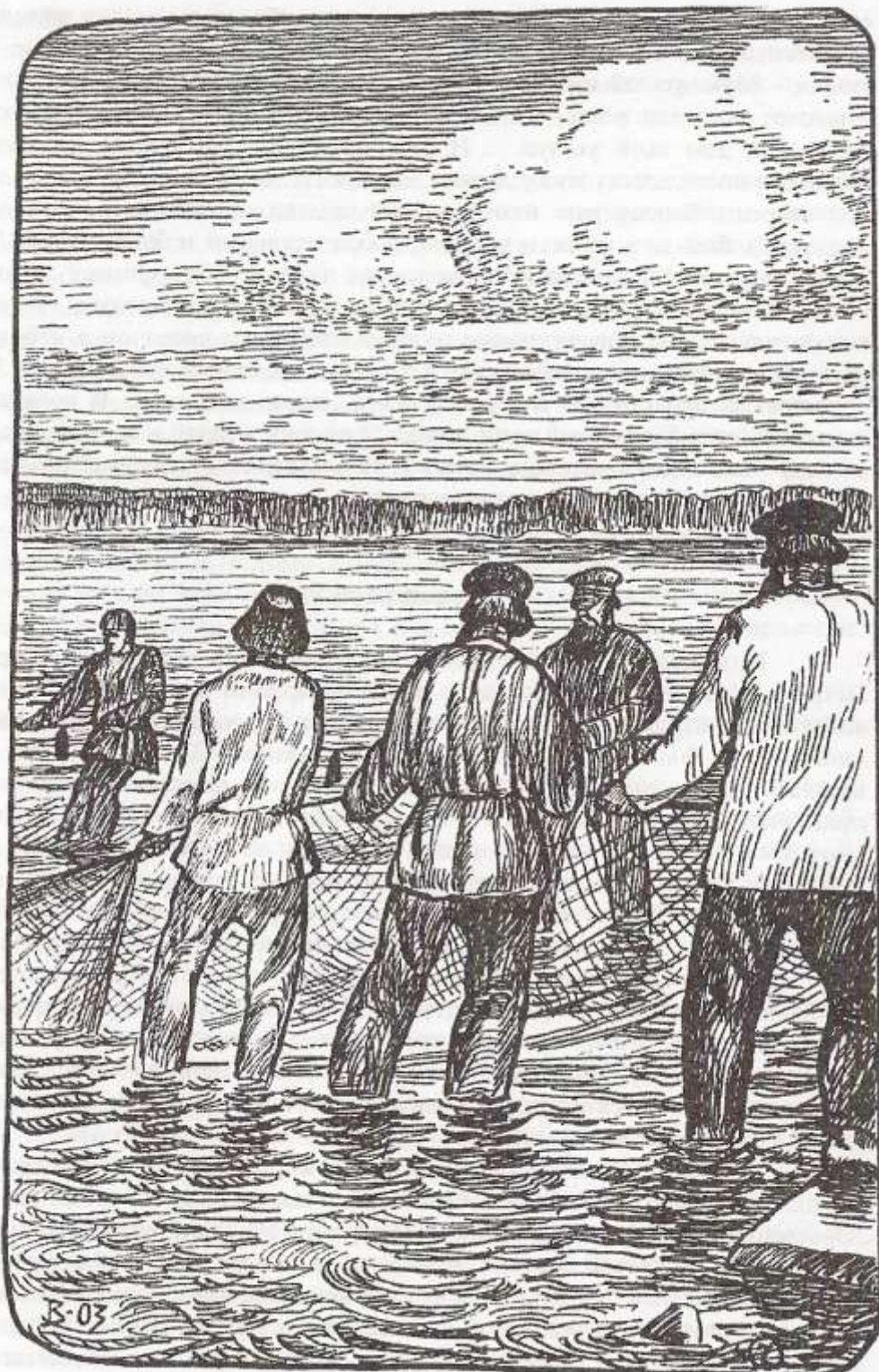
И теперь! Не успело ополчение приблизиться к Василеву, как несколько десятков дюжих, коренастых Василевских парней с секирами на плечах вышли за околицу навстречу Пожарскому. Стали поперек дороги: «Батюшка воевода, прими! Постоим головою!»

Как не принять таких добрых молодцов! Кузьма прямо от Пожарского увел их к себе. Расспросил о здоровье своих Василевских друзей, с которыми вместе бывал в походах. Накормил их и сдал Буянову.

Дома в этот вечер бродил по Василевскому берегу Кузьма, размышляя о будущих делах. Здесь, в вершине над Волгой, мысль становилась смелее. Уже в начале похода всем стало ясно, что если бы не он, не было бы, такого единодушия в войске. Его имя ратники произносили с уважением и любовью. Свою силу Кузьма видел и сознавал, и оттого ему было тяжело. Примирив временно врагов непримиримых, сам никак не мог примириться с мыслью, что он ниже бояр, что он как был тяглом, так им и останется, и теперь даже самый последний ополченский дворянин не считает его, Минина, себе равным.

Вспомнился ему храбрый Василевский ратник, Сенька Сокол, бывший в войске Алябьева под Балахной. Любимая поговорка его была: «Пурай во все повода! Дуй в хвост и в гриву!» На своей сивой лошаденке, закинув над головой меч, он врзался в самую гущу поляков, обращая их в бегство своей бешеной дерзостью...» «Главное дело – не робь! Греха на волос не будет!» - приговаривал он, возвращаясь из сечи и обтирая кровь на лбу. «Не уподобиться ли и мне Сеньке и не пойти ли в открытую после изгнания ляхов?».

Спрашивал о Сеньке Кузьма у Василевских парней. Говорят, ушел куда – то с ватагой бурлаков. С какой бы радостью теперь Кузьма встретился с ним и поговорил по душам. Но где его найдешь! Ах, как хотелось бы кому-нибудь все

высказать! Но нет! Надо молчать, молчать! Князь Дмитрий Михайлович – хороший человек, но поймет ли он? Не испугается ли того, что сказал бы ему он, Минин?».

Погода торопила, наступала весна, грозя дорожной распутицей. Народную рать всюду встречали под звон колоколов, торжественно, с церковными службами и иконами, с радостью. Войско росло с каждым днем, с каждым населенным пунктом. Население городов и сел снабжало ополчение продовольствием, пополняло его казну. Уже в первых городах, через которые прошло народное ополчение – Балахна, Юрьевец, – к нему присоединились новые отряды: в Балахне – Матвей Плещеев «со многими дворянами разных городов» (именно в этом отряде были василевцы и служивые люди вотчины Д. Пожарского из села Мугреево, а в Юрьевце – служилые татары. В 1552 году Иван Грозный подарил астраханскому царевичу, женившемуся на русской княжне, Юрьевец со всеми окрестными селами. Тогда переселилось сюда из Астрахани немало татарских семейств. Их потомки и предлагали Пожарскому свою помощь. Новоприбывшие получили денежное жалование. В течение длительного времени, до избрания нового царя Михаила Федоровича Романова, воевода князь Дмитрий Пожарский и «выборный человек вся земли» Кузьма Минин Захарьев-Сухорук – исполняли государственную власть на Руси, назначали городских воевод, учреждали приказы, ведали казной, руководили армией.

Пока ополчение шло из Нижнего, враги тоже не дремали. В разных направлениях около Ярославля появились крупные отряды враждебных нижегородцам людей.

В каких-нибудь девяносто верстах от Ярославля заняли Углич подосланные Заруцким казаки. В самом тылу ополчения, в Пошехонье (сто верст от Ярославля), сумел укрепиться другой сообщник Заруцкого – атаман Василий Толстой. На северо-западе от Ярославля подосланные поляками разбойничьи шайки взяли приступом Антониев монастырь, близ Красных Холмов. В Тихвине, тоже в тылу ополчения, засели шведские наемники – немцы, хорошо вооруженные, закаленные в боях воины. Это, пожалуй, был самый опасный враг. На юго-востоке, в Переславле-Залесском, тоже было неспокойно. На всех путях от Ярославля шныряли враги. Из самой Москвы были получены неутешительные вести: подмосковное ополчение, действительно, присягнуло третьему Лжедмитрию – вору Сидорке.

После взятия основного оплота поляков в Москве – Кремля, Минин, Пожарский, Трубецкой выстроили свои войска для принятия в плен защитников Кремля во главе с Паном Струсем и его союзниками, главой русского государства, так называемой «семибоярщиной» и их сторонниками, которые тоже были в осаде. Среди сторонников «семибоярщины», которых освистывали и закидывали грязью, шел, покачиваясь от голода, заметно отощавший, поддерживаемый матерью Михаил Федорович Романов.

Польский историк Мицкевич так описывал эти события: «Наши товарищи вместе с паном Струсем еще до прибытия короля Сигизмунда к столице сдались московитянам от нестерпимого голода на договор». А святой Филарет в рукописи на 65 странице написал: «И по сем начальницы Московии повелевают воеводу и властителя польского народу Струсь утвердивши за крепкими стражи и иных начальников и воевод польского народу вкупе же и все воинство за приставы и раздавши в окрестные града разослаша смерти их по обещанию не придаваша». Таким

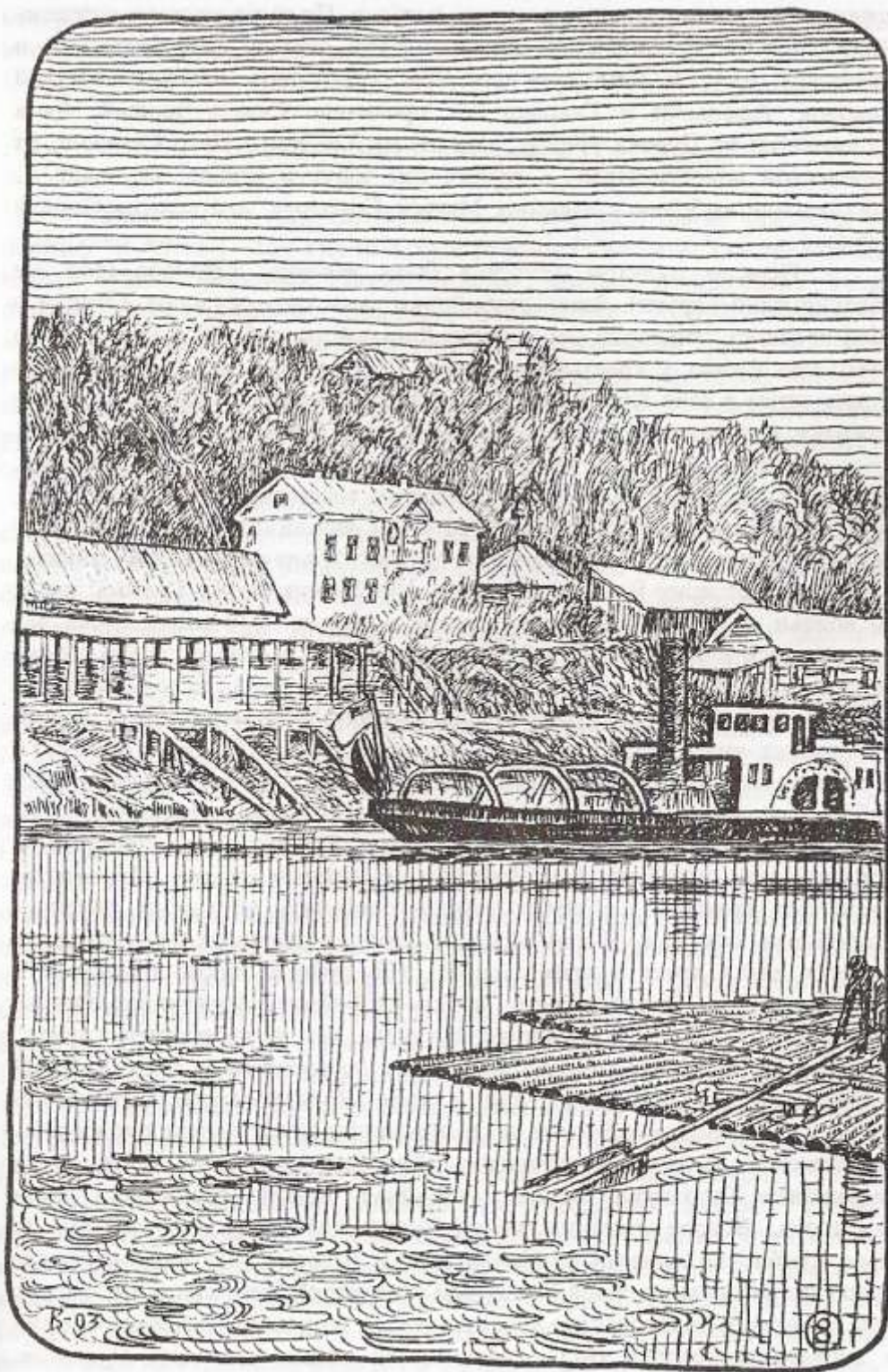
образом, взятые в плен девять тысяч польских воинов должны были расселиться по малым городам России. Вскоре прошли выборы, и на царство были избраны дальние родственники Ивана Грозного Романовы. Михаил Федорович щедро награждал освободителей, Минина и Пожарского, землями. Выборным всея Земли Козьма Минин получил в Нижегородском уезде сначала в поместье, а затем и в вотчину село Богородское, пять деревень и две пустоши. Полководец Д.М. Пожарский: «За службу, за Московское очищение, да за службу же в Московском осадном сиденье в королевичев приход» – погост Вершилово, Петряевскую пустошь, где был поставлен Макарьевский монастырь (ныне село Пурех), сельцо, 151 деревню и 10 починок. Сюда же вошли земли Пестяковского угла. Это были очень мрачные лесные угодья, их еще предстояло обживать. Вот сюда и направил свою добычу из пленных поляков князь Пожарский. Здесь они поселились деревнями, обживали отвоеванные от леса земли, женились на живущих рядом, как русских, так и мордовских, марийских девушках. Так же выходили на кулачные бои по русскому обычаю в праздники. Позднее когда кулачные бои перешли в примитивные драки в престольные праздники жители Соломатовских деревень Якунина, Морозова, Шишкина, Грехов, Чумичей и других, ходили драться с ляхами.

Историки очень мало обращают внимания на народные забавы. Одной из таких «богопротивных» забав было «скоморошество», особенно оно было распространено в Нижегородском крае, за Волгой в Городецкой волости было несколько селений с названиями Скоморошых, Скоморошиных, где делали маски и обучали медведей разным фокусам. В XVII веке особенно много артелей «веселых» жили в усадьбах крупных вотчинников: в Вершилове у полководца Пожарского, в Ворсме у князей Черкасских.

Битва с бандами атамана Заруцкого на «панских буграх»

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский основал на месте теперешнего села Пурех монастырь, как странно – приемный дом, для инвалидов и неимущих из числа воинов народного ополчения где они безбедно доживали свой век. Сюда же он привез и подарил главное знамя народного ополчения, красное бархатное с вышитым золотом Георгием Победоносцем посередине. Позднее его заменили на копию, а оригинал демонстрируется до сих пор в Кремлевской Оружейной Палате города Москвы. Первый памятник в Василевской округе тоже был установлен в Пурехе, это был памятник Царю освободителю Александру II, естественно, что большевики его разрушили, но теперь село украшает замечательный памятник основателю села князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, а сама фамилия Пожарские еще в шестидесятые годы попадалась в селе Пурех.

После изгнания ополчением Минина и Пожарского польско-литовских интервентов из столицы, в ее окрестностях и, особенно на окраинных землях России, еще долго морoderствовали отряды поляков и литовцев. Летом 1614 года правительство молодого царя Михаила Федоровича сумело-таки собрать полки драгун, которые смогли более активно противостоять международным разбойникам.

Один из таких отрядов казаков Захария Заруцкого «огнем и мечом» прошелся по волжскому нагорью. Жители верховых городов Поволжья бросали свои дома и бежали по льду замерзшей Волги под защиту Нижегородского каменного кремля. Местный воевода Владимир Иванович Бахтеяров-Ростовский 1 января 1615 года, со срочным гонцом извещал Москву о том, что «черкасы и казаки Кинешму выжгли и людей побили, и пришли в Юрьевец, а хотят идти к Нижнему».

По этим вестям вслед за казаками ринулся полк рейтар (тяжело вооруженных конников) князя Б.М. Лыкова. Но отряд Захария Заруцкого успел дойти до Василевой слободы, где и состоялся с ним бой спешно собранного народного местного ополчения, под руководством, находившегося рядом в Вершилове князя Д. Пожарского. Вовремя подошедший им на помощь полк Б.М. Лыкова завершил разгром казаков З. Заруцкого и его сотоварища Яцкого и гнали, и топтали их еще 15 километров, вплоть до диких и глухих пестяковских болот. Хитроумные сооружения для обороны и глубокие рвы против конницы послужили местом захоронения незваных гостей. Здесь нашли свое успокоение казаки и поляки. Эти земляные валы так и звались в народе «панскими буграми» и сохранялись вплоть до 1955 года, когда над ними заплескались волны искусственного моря – Горьковского водохранилища.

Однако во время сражения Василева Слобода оказалась полностью уничтожена, а многие ее жители пали в жестокой схватке с врагом.

Профессор Н.Ф. Филатов о нашем селе

Хозяйка Слободы, инокия Елена Шуйская, особым обращением к боярской Думе потребовала провести официальный дозор оставшегося после разгрома казаками нижегородского имения, после чего в Василево были направлены писцы столичного Наместного приказа Иван Житков и подъячий Иван Дементьев.

Сохранившаяся их подлинная Дозорная книга остается ценнейшим документом истории слободы, зафиксировавшим не только состояние ее после разорения казаками, но и сведения предшествующих времен.

Во время битвы 4 января 1615 года был сожжен Воскресенский погост вместе с Храмами, дворами притча и кельями живших при церквях нищих старцев, о которых сообщалось, что они «посечены, а иные от казаков сожжены и переломаны». Во время боя сгорел и стоявший на взгорье Благовещенский храм, так что слобожане поспешили срубить на его месте небольшую часовню, где и отпели панихиду по своим невинно убиенным согражданам. Только после этого стали возобновлять жилье, свои строения и усадьбу царицы.

Оставшиеся в живых крестьяне временно размещались в тринадцати чудом сохранившихся бобыльских дворах, среди которых была и усадьба кузнеца с редким именем Олкошки. Спустя год-два новые дворы на пепелищах отстроили состоятельные слобожане, имевшие по обычаю того времени зарытые на усадьбах кубышки с серебром: Первушка Зарубин, Федор Расторгуев, Якушка Гуляев, Парфенко Иванов, которые сразу же были положены приказчиками Шуйских в «четвертое тягло» (согласно русской истории В.О. Ключевского «тягло» – это налог бравшийся, либо с сохи, либо с каждого трудоспособного члена семьи. «Четвертое

тягло» – это значит, приказчики брали себе в качестве зарплаты $\frac{1}{4}$ часть налога, а $\frac{3}{4}$ отправляли в пользу царицы инокини Елены). Беднейшие же васьичане еще долгие годы бродили приживалами «меж двор» или навсегда скрывались за Волгой, основали по лесным раменьям сразу несколько займок, починков и деревень.

В 1619 году в Москву сообщалось, что в Слободе все еще оставалось «35 мест пустых дворовых, но торг с 44 лавками, полками и амбарами уже действовал. Сообщалось и то, что торговля производится по воскресеньям, а в нынешнем, во 127-ом году те лавки и полки пожгли черкасы же». Так древний документ донес до нас глухое известие еще об одном разорении Василевой слободы. Ушедшим от уничтожения под Москвой одним из отрядов королевича Владислава. Путь к богатой слободе полякам и литовцам был известен еще по походам 1610-х годов.

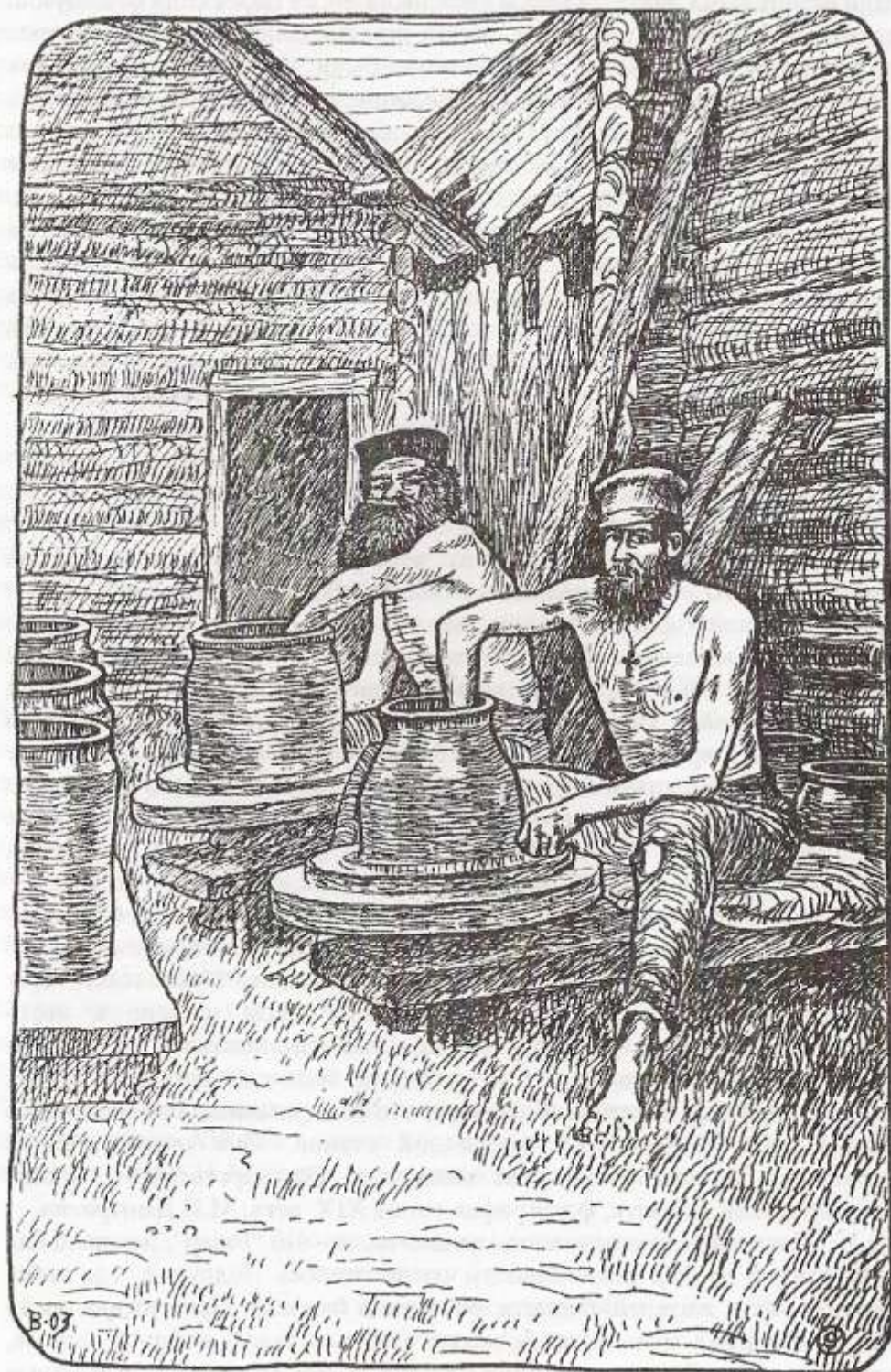
После этого царица-инокия, несмотря на схиму, предприняла энергичные меры к стремительному возрождению своей нижегородской вотчины. Во-первых, вместо прежнего приказчика она направила в Василеву Слободу сразу троих детей боярских: Карла и Ивана Верещагиных, а также Богдана Чулкова, которым было наказано призывать на запустелые места «на льготу» свободных новопоселенцев. И это им удалось, так что буквально через годы слобода оказалась весьма плотно заселена и отстроена новыми зданиями.

На месте выжженного казаками погоста, на устье речки Санахты, был срублен на высоком подцерковье шатровый Благовещенский храм, окруженный со всех сторон открытой папертью с многомаршевыми крыльцами-всходами. Возле храма не только восстановили дворы притчта, но и 18 келий оставшихся после нападения казаков на слободу бесприютными вдов и увечных.

На взгорье был заново срублен шатровый же Воскресенский храм, а рядом с ним клетцкая теплая церковь в честь особо почитаемых Д.Пожарским северных святых Изосимы и Саввatea.

Так был не только отмечен подвиг полководца при защите слободы, но и сменены посвящения храмов. При этом было архитектурно подчеркнуто ведущее значение в застройке Василевой Слободы верхней ее части, которую даже официальные документы нередко стали именовать Верхним посадом. Центр его отныне отмечал погостовый ансамбль из двух храмов.

С тех пор в истории Василевой Слободы особо отчетливо обозначился промысловый характер развития. Местных жителей официальные документы 1620-х годов постоянно называли «торговыми и всякими промышленными тяглыми людьми», платившими царице-инокине оброк «с своих животов и промыслов по своему разводу» (самообложению). Возле храмов к 1624 году стало 8 дворов церковного притчта, 28 келий, 3 двора приказных людей и 65 дворов крестьян и бобылей. За речкой же Санохтой буквально за несколько лет вырос «Нижний посад», где к 1624 году насчитывалось уже 78 дворов, среди жителей которых называлось значительное число ярыжных, ходивших летом «на судах в работных».

Тогда же в Василевой Слободе был восстановлен и торг. Вдоль волжского берега стояло 30 лавок, 13 полков и 4 амбара. Причем особые торговые места имели не только слобожане, но и жители ближайших Городца и Балахны. Но большее число торговых мест принадлежало благовещенскому попу Иосифу, сдававшему свои шесть лавок в наем местным ремесленникам. О самом же торге сообщалось, что на нем «торгуют всякими товары, а с тех лавок оброк платят царице-инокине Елене Петровне, а торгуют один день в неделю, в воскресенье».

Окрестные земли вокруг Василевой Слободы осваивались русскими с глубиной древности (белгородский стан, административно-духовным центром которого была слобода, известен с XIV столетия). Памятниками первопоселенцев этого региона в начале XVII века оставались стоявшие выше слободы вверх по Волге пустынка с одним рубленным храмом (ныне село Кораблево), в которой жили не имевшие собственных угодий «нищие-черноризцы», а также Троицкий монастырь (будущие Катунки), которые развивались далее уже, как приписанные к Василеву селения.

Слобода – монастырская

В 1625 году царицы-инокини не стало. Перед кончиной она как хозяйка составила завещание, согласно которому Катунки переходили во владение ее родственнику Ивану Ивановичу Шуйскому, знаменитому боярину – воеводе. Но в род Шуйских Нижегородская вотчина попала как владение царствующего дома, и поэтому Романовы оспорили законность владения ими Катунки – и забрали слободку – вотчину себе. В 1646 году сообщалось, что «в государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси дворцовой Белгородской волости, слободка Катунки, стоит на берегу Волги, в ней крестьян и бобылей...» и т.д. С этих пор Катунки были на некоторое время отданы в подчинение Юревецкому уезду, а Василева Слобода – Балахнинскому. Ее нижегородские вотчины поспешили прибрать к рукам власти располагавшегося на территории Московского Кремля привилегированного женского Вознесенского монастыря, которые добились от царя Михаила Федоровича указа о приписи Василевой Слободы в состав своих владений. В указе царь милостиво дарил слободу со всеми приписными деревнями и крестьянами «на помин души Шуйских».

Козьма Минин – герой России

Заканчивая описание Смутного времени, хочется вспомнить, что в 1695 году, в Нижний Новгород для постройки флота прибыл Петр I. Двадцатилетний царь готовил в ту пору большой поход на Азов, чтобы отвоевать для государства Российского выход к южным морям. Прибыв в Нижний, Петр, прежде всего спросил: где похоронен Козьма Минин? С великим трудом местные власти разыскали могилу народного героя. Петр распорядился немедленно перенести прах великого патриота России в Нижегородский Кремль и похоронить его в усыпальнице Спасо-

Преображенского Собора. Когда это было сделано, он опустился на колени перед гробницей и сказал: «Здесь лежит спаситель России».

В 1793 году Н.С.Ильинский выпустил в свет книгу «Описание жизни и бессмертного подвига славного мужа, нижегородского купца Козьмы Минина, выбранное из исторических преданий». Это была первая печатная биография знаменитого нижегородца.

В последних годах века возникло у нижегородцев желание увековечить подвиг славного земляка установкой памятника. Ильинский подал мысль о всероссийском сборе средств на бронзовый монумент. Воззвание, разосланное по городам, сопровождалось написанными Ильинским стихами:

«Приблизьтесь, сердца, не знающие лести,
Почтите Минина неоценимый прах».

Деньги на памятник собирались несколько лет. Когда скопилась достаточная сумма, бронзовый монумент был заказан известному русскому ваятелю И.К. Мартосу.

Живой интерес передовой русской общественности к Нижегородскому ополчению 1611-1612г.г. и его вождям, проявлялся после установки бронзового монумента на Красной площади. Правда А.С.Пушкина поразила излишняя раткость надписи на его пьедестале, вызвавшая критические комментарии великого поэта: «Надпись Гражданину Минину, конечно не удовлетворительна: он для нас или мещанин Косма Минин по прозванию Сухорукий, или думный дворянин Косма Минич Сухорукий, или, наконец, Кузьма Минин, выбранный человек от всего Московского государства, как назван он в грамоте об избрании Михаила Федоровича Романова».

Сам же скульптурный образ Минина и Пожарского на главной площади страны, а теперь и в Нижнем Новгороде на Ивановском спуске вызывает неизменно гордость славными предками, их ратными подвигами. Это выразил еще в 1829 году В.Г. Белинский: «Когда я прохожу мимо этого монумента, когда я рассматриваю его, друзья мои, что тогда со мной делается! Вот, думаю я, два... исполина веков, обессмертившие имена свои пламенной любовью к милой родине. Они всем жертвовали ей: имением, жизнью, кровию... и спасали погибающую отчизну... Имена их бессмертны, как дела их».

Василева Слобода стала с 1625 года слободой монастырской. Это наложило свой отпечаток и на внешний облик села. В селе появилось два мужских и два женских монастыря. Женские монастыри Вознесенский и Архангельский, а мужские Троицкий и Покровский. Под защитой и покровительством именитой столичной обители эти монастыри, имея свои земли, луга и оброчных крестьян, быстро богатели и входили в силу и влияние. Почувствовав прибыль в торговле, они снаряжали расшивы вниз и вверх по Волге и не гнушались торговлей, лишь бы это приносило прибыль. Крестьяне по окончании смутных времен зажили без шума и крови. Пахали, сеяли, собирали урожаи, понемногу копили деньги и стремились пробиться в купцы. В домах своих жили по старым заветам, по Домострою, по любомудрости покойного наставника царя Ивана Грозного, иерея Сильвестра. А там он наставлял

не только своего сына, но всю Святую Русь: «Имей любовь нелицемерную ко всем, не осуждай никого, не делай другому, чего сам не любишь, и больше всего храни чистоту телесную, да возненавидь хмельное питье; господа ради отвергни от себя пьянство: от него рождаются все злые обычаи. Жену любви и в законе с ней живи. Если жена не слушается, всячески наказывай страхом, а не гневайся; наказывай наедине, наказав, примолви, и жалуй, и люби ее. Гостей приезжих у себя корми, а на соседстве и со знакомыми любовно живи... На дороге, в пиру, в торговле отнюдь сам брани не начинай, а кто выбранит, терпи бога ради. Недруга накормить и напоить-то вместо вражды дружба. А ведаешь и сам, что не богатством жить с добрыми людьми: правдою, да ласкою, да любовью, а не гордостью и без всякой лжи ...».

В честь особо важных событий в древней Руси возводились храмы – мемориалы, с XVI века обычно шатровые: Василий III построил в память рождения долгожданного сына – Ивана IV – церковь Вознесения в Коломенском (1532 г.), а Иван IV – в честь взятия Казани Никольский храм в Балахне (1552 г.), покров на Рву в Москве (1555 – 1560г.г.) и т.д.

Сразу после «смут» начала XVII в. было не до дорогостоящих каменных работ. Когда же положение в стране нормализовалось, на вершине холма в Нижегородском Кремле был возведен «государственной казной» шатровый Михайло – Архангельский собор (1628 – 1631 г.г.), храм – памятник в честь Нижегородского ополчения и его вождей - К. Минина и Дмитрия Пожарского. Строили его каменных дел подмастерья Лаврентий Семенов сын Возоулин и Антин Константинов. Следует отметить, как весьма важный факт, что Антин Константинов затем участвовал в строительстве каменных башен крепости Вязьмы и Теремного Дворца в Московском Кремле. Реставировал Успенский Собор Московского Кремля и Золотые ворота Владимира, возводил каменные «литейные хоромины» столичного пушечного двора, а так же шатровые храмы в разных городах страны, являющиеся наивысшим достижением Творческой мысли, а нижегородский Михайло-Архангельский собор является первым его детищем.

Раскол церкви. Никон и Аввакум

При царе Алексее Михайловиче «Тишайшем», был необычный творческий подъем населения; достаточно привести пример разговора царя с ближним боярином Богданом Михайловичем Хитрово: «Вот ты, боярин, зело просвещен. Сколь земель открыли землепроходцы?»

Так: Рябов да Порфирьев по Лене до Яны и Индигирки добрели – уже сим места известны. Казак Сенька Дежнев аж море – океан обогнул. До Анадыря дошли Игнатьев да Алексеев, третий с ними Стадухин Михаил.

По Амуру-реке до окуяна дошел Василий Поярков. Смелый человек и опытен. Я ж еще про Хабарова Ерофея не помянул, про Москвитина да Копылова кои моря Охотского волны на кочах бороздили.

Да тот же Василий Поярков серебро да свинец в Сибири искавал, а на Байкал-море Иван Колесников руду серебряну проведаль. В Анадыре Курбат Афанасьев Иванов ходил по большой реке Олекме, да и нынче моржовые лежбища ищут, да прииск язычных иноземцев ведет, да соболий промысел справляет добро.

Помню, по прошлой весне получил вести из краев дальних – от Василия Бугра да Евсевья Павлова с Колымы и Анадыря; оттуда ж от промышленного человека Федора Ветошки, Семена Дежнева; с верхней Лены от Воина Якунина; от Никифора Хабарова из Даурской земли; да из Якутска от служивого человека Юрья Селивёрстова».

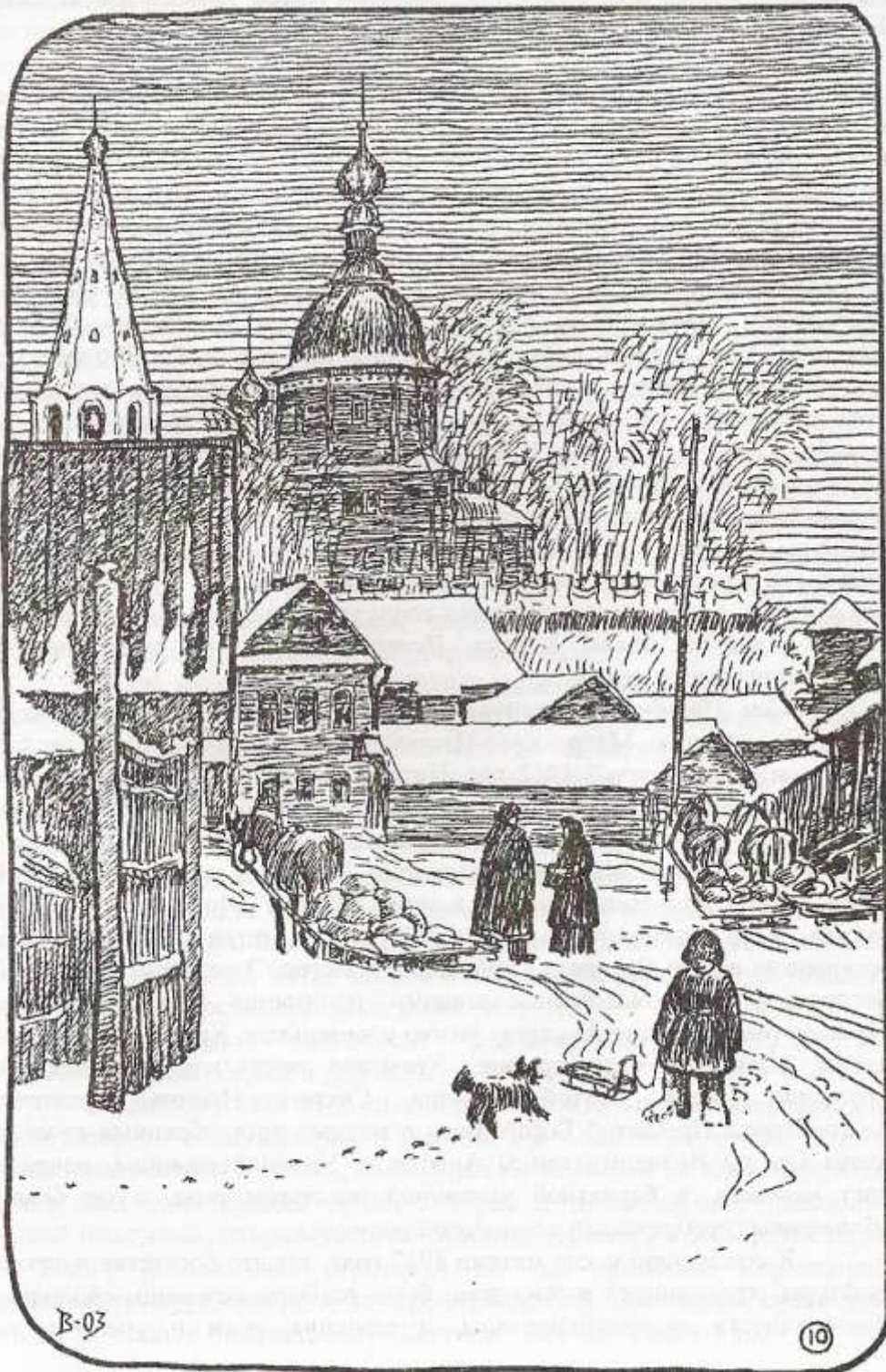
Позвав к себе воеводу Петра Потемкина, царь Алексей Михайлович говорил ему: «Я отправляю тебя, воевода, на промысел опасный зело: поручаю взять на море Варяжском Финский залив. Давно думал об этом, но причин для дела такого не находилось. А выход к морю нужен, ибо Архангельская прорубь ненадежна. Так что Петр Иванович, бери людей по своему отбору – да новиков помене, мы их в наших сухопутных боях обстреляли – и с Богом!».

Конечно, не суждено было стольнику в этот раз выполнить наказ государев, и лишь через полвека усердием и доблестью ратной Петра Великого, сына государева, стали на берега Балтики твердою ногою. Но начало этому делу положил Алексей Михайлович.

Однако объединить народ, сделать его монолитом могла только единая вера в Бога.

Много опасностей подстерегало на этом пути. С Запада неуклонно мутным потоком двигалось униатство, заквашенное католиками, иезуитами, виленским орденом. В крупных городах появились и разрослись секты хлыстов, особенно много их было в Нижнем Новгороде. Борьбу с ересью на Руси возглавил патриарх Никон. При патриархе Никоне перепечатывали церковные книги, которые, переписываясь от руки, накопили множество ошибок, креститься по-новому стали не двуперстием, а щепотью. Если старая церковь сквозь пальцы смотрела на остатки языческих обрядов, которые жили в народе, то Никон повел с ними жестокую борьбу, чем вызывал глухой протест простого народа. В церкви назрел раскол. Если бы правительство отнеслось к расколу с пониманием, все со временем вошло бы в норму, ведь больших, смертельных разногласий не было. Но Алексей Михайлович издает указ, по которому, за ересь на Руси люди подлежат смертной казни через сожжение. Это вызвало глухой ропот людей старой веры, а их казни, порки, ссылки, заставили раскольников затаиться, проводить свои молебны тайно, а в большинстве случаев, просто бежать в глухие, далекие места, где и жить по совести, согласно своей вере. Главой раскола выступил протопоп Аввакум Петров сын. На его примере можно посмотреть, каково было неистово держаться старой веры и благочестия. Сначала царь сослал его с семьей в Тобольск, затем в Даурию, в 1663 году он возвращен в Москву, но на следующий же год сослан в Мезень. Все переходы совершались пешком с детьми и женой. Не выдерживавшая такой жизни жена спрашивала: «Да, когда же конец Аввакумушка?». «Только на том свете» – отвечал протопоп. Состоявшийся в 1666г. собор сослал его в Пустозерск, где он 15 лет просидел в земляной тюрьме, написал несколько литературных произведений и знаменитое «Житие». После этого по царскому указу сожжён в деревянном срубе.

Патриарх Никон всего 6 лет был патриархом Руси. Гордыня возобладала над его душой. Он стал активно вмешиваться во внутреннюю и внешнюю политику государства под тезисом «Священство выше царства». Это сразу вызвало недовольство, а потом и разрыв с царем. В 1658 году он оставил патриаршество, в надежде, что он незаменим и его придут упрашивать вернуться. Тот же собор, который осудил Аввакума, снял с Никона сан патриарха, и его сослали.

Зовомый «Тишайшим» на деле Алексей Михайлович таковым не был. Патриарх свое дело для государства совершил и стал лишним. Это ведь только мужик российский, наивный, и богобоязненный, в простоте своей винил Никона в том, что горели живьем в срубах ревнители веры дедов и отичей, знамения слагающих двумя перстами, в том, что иконы фряжского письма рубили и кололи и жгли патриарши люди по градам Руси необъятной: в том, что тысячи и тысячи старой веры мужиков селили за Урал, да за студеную Мезень-реку. Заглавным-то в этом деле многопечальном как раз и был «Тишайший».

Волей судьбы, оба непримиримые поборники веры, и Никон, и Аввакум, родом из Нижегородской губернии Княгининского уезда, а села, откуда они вышли – это Григорово и Вельдеманово отстоят друг от друга всего в 15 верстах.

Раскольники двигались сплошными потоками и поодиночке и оседали в малых городах вдоль Волги. Со временем центры их определились и имели постоянное сношение между собой. Особенно большое скопление их было в Карелии, Сибири, на Керженце, в Васильсурске, Городце и в Василевой слободе. Основная часть раскола разделилась на две части. Это были «поповщина», т.е. те верующие, которые признавали попов и «беспоповщина», т.е. те раскольники, которые признавали попов, рукоположенных до патриаршества Никона. Но время шло, таких попов становилось все меньше, и они молились и проводили видоизменения своих обрядов, чтобы обходиться без попов. В Василеве сначала осели раскольники австрийского толка, потом пришли беспоповцы и беглопоповцы. С давних времен, в глухих, дремучих, вековых лесах, которые окружали Василево, находили безопасное прибежище и новгородские вольные ушкуйники на своих легких стругах. Прятались здесь остатки Степановой вольницы, проходили казаки Ермака. В самом селе, окружающих деревнях и починках прятались от правительства представители многих видов раскола и сектанты. Среди населения Василева во множестве были старообрядцы, у которых все гонимые находили сочувствие и понимание. Летописцы на которых мы все время ссылаемся говорили о краях староверских: «Живут бо там человеце зело добры, от разных градов приходят ради душевного спасения несть бо во всей вселенной такая веры, якоже тамошние отцы проповедают, невозможно счастья».

Достаточно сказать, что Митрополит Нижегородский Исаия (1699-1707) был арестован и сослан в монастырь «за потворство раскольникам». Сменивший его митрополит Сильвестр, хотя и управлял епархией с 1708 по 1719 годы, доверием Петра не пользовался. Главный борец с расколом Питирим еще в 1707 году инструктировал Сильвестра: «В Балахонском и Юрьевецком уездах обращать и в соединение ко святой церкви приводить раскольщиков». Достаточно сказать, что все богатейшие лавочники, купцы, парходчики, как Городца, так и Василева крепко придерживались старой веры, а беспоповцы построили в селе Главную молельную храмину среднего Поволжья.

Конечно, нельзя считать Василеву Слободу очень значительным центром сектантства, но она все же оказывала большое организующее влияние на окрестный раскол. Иное дело – торговый Городец. Это село было передаточным пунктом тайных сектантских известий между Москвой, Казанью, Саратовым и Сибирью. Городецкие раскольники хвастались своими связями и со столичным Петербургом. Бег-

ло поповская часовня, имевшая до пятидесяти тысячи прихожан, стояла будто - бы на месте той кельи, в которой скончался Александр Невский.

Легенды П.И. Мельникова-Печерского

В этих местах, при всей коммерческой подоплеке Городецкого и Василевского сектанства, раскольниками создано много поэтических легенд. Особенно красива легенда о Кирилловой горе, как записал ее писатель П.И. Мельников (А. Печерский):

...Горы Кирилловы, что у Малого Китежа. Стоят они над Волгой-рекой, рядом с горой Оползень... Когда по Волге плывет сплавная расшива мимо тех чудных гор Кирилловых, и на той расшиве все люди благочестивые, Кирилловы горы расступаются, как врата великие растворяются, и выходят оттуда старцы лепообразные, един по единому... Провели те старцы в пустыне невидимой, яко крини сельные и яко финики, яко кипарисы и древа не стареюция; просияли те старцы, яко камение драгое, яко многоценные бисеры, яко звезды небесные.

Выходят старцы лепообразные, в пояс судоходцам поклоняются, просят свезти их поклон, заочное целование братьям Жигулевских гор... И когда расшива проходит мимо тех Жигулевских гор, должны судоходцы исполнить приказ старцев гор Кирилловых, должны крикнуть громким голосом: "Ой, вы, гой если, старцы Жигулевские!...

Привезен вам поклон от горы Кирилловой: «Кирилловы старцы с вами прощаются, прощаются они, благословляются»... Расступаются тогда высокие горы Жигулевские, растворяются врата великие, белым алебастром об ину пору забранные, и выходят на берег старцы лепообразные един по единому... И, подняв паруса белые, вольой птицей полетит расшива на Низовые... Не насвистывая ветра, бурлак, лежа на брюхе – без свиста паруса легкие наедятся ветра могучаго – понесут расшиву куда надобно... А забудь судоходцы исполнить завет горы Кирилловой восстанет буря великая, разверзнутся хляби водные, и поглотят расшиву с судоходцами. Таковы блаженные старцы горы Кирилловой, таковы лепообразные старцы Жигулевских гор. Пройти к старцам может только истинный раб Христов, воли своей не имеющий, в душе помыслов нечистых не питающий, волю пославшего творящий без рассуждения. И не только в Жигулях и на горе Кирилловой процветают крины райские, во иных, во многих пустынях невидимых просияли светом невечерним светила богоизбранные... Путь их прав, вера истинна, имена их в книге животной написаны... И сияют те светила от древности лет... Там за Керженцем пролегает дорога, давным-давно запущенная. Нет по ней езду конного, нет пути пешеходного, а не зарастает она ни лесом, ни кустарником. То «Батыева тропа»... Проходили тут татары поганые от стольного града Володимира в Чудный Китеж - град. И тот Чудный град доселе невидимо стоит на озере Светлом Яре... Летним вечером, когда гладью станут воды озера, ни ветра рябью не кроит их, ни рыба, играючи, не пускает широких кругов, – сокровенный град кажет тень свою: в водном лоне виднеются церкви божьи златоглавые, терема княжецкие, хоромы боярские... Живут в том граде люди блаженные, пустынные жители преподобные... Тамо жизнь беспече-

чальная, жизнь без вздыхания, день немерцаемый, утехы райския... И всяк человек, иже смирил душу свою послушанием, уведает путь в чудный град тот и вкусит от блаженных жизни живущих тамо земных ангелов.

Кто возжелает всем сердцем, всею душою, всем помышлением оставить сей многопрелестный мир: кто нераздвоенным умом, несомненно, без рассуждения, обещается идти в благоуешное пристанище, тому чудесные врата сокровенного града отворятся ... Никому в мире не поведавши, ни отцу, ни матери, ни роду, ни племени, творя лишь послушание наставника, ступай тропой Батыевой, — ищи тщетного в себе не помышляя, и о том, чтоб вспять возвратиться, не думая... Будешь терпеть лютый глад, будешь терпеть мразный холод, — иди тропой Батыевой, — пролагай стезю ко спасению, направляй стопы в чудный Китеж-град ... Восстанет буря великая, хлынут на тебя ручьи дождевые, заскрипят по лесу сосны столетние, повалятся деревья буреломные, — иди тропой Батыевой, пролагай стезю ко спасению, направляй стопы в Чудный Китеж - град ... Накинутся лютые демоны, нападут на тебя Змеи огненные, окружают тебя эфиопы черные, заградит дорогу сила преисподняя, — а ты все иди тропой Батыевой - пролагай стезю ко спасению, направляй стопы в чудный Китеж-град...

Тамо жизнь бесконечная. Час един — здешних сто годов... И не один таковой сокровенный град обретается; много их по разным местам и пустыням. Господом богом ради избранных поставлено... Ради тех, что бегают от антихриста в горы, вертепы и пропасти земные, по реченному Ефремом Сириным... Там же, за Волгой, на озере Нестиаре, другой сокровенный град... А подальше в лесу невидимая церковь стоит. В старые годы стояла в Василь-городе, на Суре, на реке. Был праздник Господень — Преполовенье день, пошел Крестный ход на Суру воду святить, — двигалась за крестами и церковь божия. Сура-река расступалась, как ворота растворялась, принимала людей, что за крестами шли, принимала и церковь божию. И перешлась церковь за Суру, за реку, за Волгу-реку, за Ветлугу-реку, и доселе стоит невидимо — в лесах... а в каких — поведать нельзя... Стоят в ней люди Васильгородские, и будут стоять до второго Христова пришествия.

Бысть един муж, благочестив и боголюбив, житель единыйя веси, неподалеку стоящей. Изыде той муж в леса, ловитву зверям деюще, и божим изволением открылась ему церковь Васильгородская. Пошел раб Христов, слышит: восьмой ирмос канона на Святую Пасху поют: «Сей нареченный и Святыи день»... Сладко райское пение, вкруг церкви благоухание, свет лучезарный окрест сияет. Муж тот не знает - во сне он или в восторге ... Послушал один только ирмос и пошел обратным путем восвоися, славя и благодаря бога за виденную столь чудную вещь... И егда приеде в весь свою — ни единого знаемаго обрете, и ни один житель тоя веси его не познал. И бысть молва велия и многое рассуждение в людях. Муж же той имя свое поведал им, глаголя: что лишь накануне отыде от веси той в лес, зверинья ради ловитвы, жену и детей своих называя и дом свой указуя ... И дивляхуся вси ... По мале времени обретоша по соседству мужу древня, ему же бе вещи ста лет. И поведа той старец: «Бывшу мне в отрочестве, слышал аз, многогрешный от родителей, был - де в их веси человек, добродетельный и благочестивый, имя то самое имея, каковым пришелец сей чудный себя нарицает... Тот человек во едино время отыде в лес, зверинья ради ловитвы, и не возвратился ...». И поведа людям чудный муж,

како видел он в дебрях лесных церковь васильгородскую и слышал ангелоподобное пение. И егда поведат, испусти дух и переселился в жизнь вечную... И познаху люди, что егда блаженный един ирмос: «Сей нареченный и святой день» слушал – сто годов протекло, и более. И восхвалиша господа и рекоша друг ко другу: «Дивен бог во святых своих!...».

Конец раскола

В последние годы XVII века произошла встреча молодого царя Петра I с игуменом Никольского монастыря, «что на болоте», когда «потешные» строили на Плещееве озере первый российский, тогда еще «потешный», флот. Петра I изволновала высказанная Питиримом идея – взорвать идеологию старообрядчества изнутри, доказать отсутствие принципиальных разногласий между официальной Православной Церковью и учением старообрядцев. Питирим же не мог смириться с гибелью тысяч простых людей, поверивших своим вожакам и сжигавшихся семьями в «очистительном костре» овинов, чем грубо нарушалось учение о божественном происхождении человеческой души.

Эти беседы Петра I с Питиримом вспомнились в 1706 году, когда отношения между царем-реформатором и старообрядцами стали очень ожесточенными. Петр указал выслушать Питирима митрополиту Рязанскому и Муромскому Стефану, а затем направить его для проповеднической деятельности в скиты лесного Заволжья, обещая лично следить за его «равноапостольским» трудом.

По прошествии нескольких лет 8 марта 1715 года Питирим извещал Петра I: «...с прошлого 1707 года в Балахнинском и в Юрьевецком уездах, велено мне богомольцу Вашему, обращать и в соединение ко святей Церкви приводить раскольников. И помощью Божию по прошлой 1714 год духовнаго и мирскаго чину обоих полов из расколу обратилось и пришли в соединение ко Святей Церкви больши 2000 человек. А ныне те вышеозначенные города и уезды определены в Нижегородскую губернию, и от градских начальников и от волостных прикащиков и старост тому обращению стало быть препятие и остановка крайняя, к тем раскольникам в кельи и в дома вход мой те начальники отняли...».

Причиной этого был Нижегородский митрополит Сильвестр, который лояльно относился к старообрядцам, считая обрядовые расхождения не существенными, и чтобы не возбуждать излишне народ, потребовавший от представителей духовных и светских властей умерить пыл, не врываться без особой надобности в дома посадских крестьян.

Жалоба Питирима вызвала бурную реакцию Петра I. На челобитье царь собственноручно приписал жесткую резолюцию: «По сему прошению отца игумена Питирима запрещается всем ему возбранять в сем его равноапостольском деле, но повелевается ему помогать. Ежели же кто в сем святом деле ему препятствовать будет, тот без всякого милосердия казнен будет смертью, яко враг святыя церкви; а буде из начальствующих кто не будет помогать, тот лишен будет чести и имения своего».

После этого Питирим, официально именовавшийся по-прежнему игуменом Никольского монастыря Переславля-Залесского, составил для Заволжских старообрядцев 130 вопросов, письменные ответы на которые и должны были доказать несостоятельность отличий между Православной Церковью и идеологией старообрядчества. В январе 1716 года оформленные в особую тетрадь вопросы Питирим передал в скиты Заволжья. Но идейный вождь старообрядцев, дьякон Александр, усмотрел в этом ловушку и потому в августе того же 1716 года составил «с товарищи» свои 240 вопросов, требуя сначала ответа на них. Питирим согласился и, чтобы быть ближе к местам грядущих событий, предложил, курировавшему Нижегородские дела митрополиту Рязанскому и Муромскому Стефану рукоположить его в сан архимандрита основанного Питиримом Успенского монастыря, «что на Керженце и на речке Белмаше».

На следующий 1717 год ответы на вопросы старообрядцев Питирим пригласил, о чем тотчас же известил дьякона Александра. Но ответа не получил. Прошел еще год. В начале 1718 года Питирим вновь известил вождей Заволжских старообрядцев. На сей раз, грамоты были посланы кроме дьякона Александра, Варсонофию, Гурию, Иосифу, Герасиму и Филарету. В них сообщалось: «...у меня противу ваших вопросов ответы готовы. И у вас противу моих вопросов ответы готовы ли? Еще ли готовы у вас ответы, – требовал, – чтобы вы меня уведомили: когда нам и где обмен состоится при народном собрании?»

После этого ответственность за ответы Питириму стала как бы коллективной. В Успенский монастырь на Белмаш и в Спасскую обитель на реку Кезу, где часто бывал Питирим, зачастили старцы Варсонофий, Иосиф, Герасим. Сделать их своими сторонниками Питирим не смог, но заронил между ними тайное несогласие, ибо в толкованиях на поставленные вопросы, каждый раз выявлял у них различия.

Тогда же будущему Нижегородскому губернатору Ю. А. Ржевскому поступило секретное личное предписание Петра I от 2 марта 1718 года, требовавшее от властей не только помощи Питириму, но и предписывавшее выявлять по всему Заволжью тех, кто «будет жить утайкою без записи в оклад: Таковых мирскага чина посылать на каторгу, монахов же и монахинь – в монастыри под начал, а заводчиков и учителей их, буде вина сыскана на них кроме раскола, наказав и вырвав ноздри, сысылать на галеры...».

В декабре 1718 года к Питириму в Успенский собор пришли одновременно дьякон Александр, Иосиф и Герасим, чтобы договориться о прекращении прений, но были задержаны в обители, а затем препровождены под конвоем в Нижний Новгород. Объяснял свой поступок Питирим тем, чтобы их «поставить к разумене ответов, понеже аз слышах, что они хотят уйти. Аще ли они уйдут, то с кем буду про ответы пред народом говорить?»

За Нижегородскими делами самым пристальным образом следил Петр I. Узнав, что митрополит Сильвестр по-прежнему благоволит к старообрядцам, он указал в начале 1719 года перевести его из Нижнего Новгорода «на высшую степень, в епархию Смоленскую митрополитом же, и наречен Сильвестр митрополитом Смоленский и Дорогобужский». На освободившуюся же Нижегородскую кафедру именным царским указом от 16 марта 1719 года был назначен епископом Питирим. При этом под его «начал» передавались Балахнинский, Юрьевоц-

Поволжский и Галицкий уезды, чтобы «всякими духовными делами быть в ведении в Нижегородской епархии».

После этого, требования Птитирима к старообрядческим идеологам стали еще более настоятельными, исходившими уже от высших духовных властей. Новый епископ соглашался провести диспут в районе наибольшего распространения старообрядчества (Балахнинском) – между Узолой и Керженцем, где к тому времени стояло множество скитов и тайных зимниц – заимок, в которых скрывались беглые монахи и солдаты. Дьякон Александр «с сотоварыщи» находились в полной власти Птитирима, поэтому время диспута стало зависеть исключительно от него, хотя ввод и управление огромной епархией потребовал от Птитирима огромных усилий, а главное – времени.

Местом диспута было определено село Пафнутово, куда Птитирим со своим окружением прибыл 29 сентября 1719года, за два дня до прений, тотчас же разослав по округе приглашения всем «разных толков келейным жителям, старцам, и бельцам и волостным Керженския и Дрюковския волости крестьяном, собратися в помянутое село Пафнутово октября 1 число ради слышания разглагольствия с раскольщики диаконова согласия с ним, с самим диаконом Александром и с прочими их согласия...».

Для этого были сделаны соответствующие приготовления: на холме у Спасской церкви поставили аналой, на который торжественно положили обтянутое кожей с тиснением Евангелие, вокруг расставили для пожилых людей скамьи.

1 октября с восходом солнца, после заутрени, Птитирим вышел к собравшимся людям с поклоном, с крестом и в окружении клириков, произнес: «Отцы и матери и вси православные християне, извольте смотреть, аз к вам пришел ни коего оружия ко устрашению вас, но точию – с нами лишь хранящее нас Святое Евангелие и Животворящий Крест...».

А дальше в соответствии с вопросами уверенно и твердо повел объяснение догматов православия, каждый раз сталкивая мнение старообрядческих идеологов различных толков и согласия, умело, разжигая между ними разногласия и споры по самым различным вопросам. Пришедшие на диспут из самых дальних мест старообрядцы, собравшиеся в Пафнутово, чтобы увидеть славу и мудрость своих учителей, торжество их учения, неожиданно увидели спорящих между собой людей, не способных достойно и ясно объяснить обиходные вещи. Птитирим же возвышался над всеми не только потому, что стоял на верху холма у покрытого золотой парчой аналая, но и тем, что спокойно и вразумительно объяснял народу неправду старообрядческих учителей, тут же указывая перстом на них. Те стояли растерянные и устранные, отказываясь далее вообщем что-либо говорить: «... понежемы невозможном како бы отвещати праведно», – и только просившие Птитирима: «остави нам таковое наше прегрешение и прости нас без истязания во оных наших неправедных ответах, понеже мы отвещати не можем ныне и впредь». Подкрепляя свое поражение, старцы Александр, Иосиф, Варсонофий, Герасим и Нафанаил согласились публично под протоколом поставить свои подписи.

События 1719 года грозным эхом отзывались по всей стране. Правительство, после идейного поражения старообрядчества повело против него ожесточенную политику. В 1722 году в именных указах Петра I от 15 мая, 16 июля предписыва-

лось наказывать уклонившихся в «раскол» священников: «Явившихся в раскол попов, по лишении их священства от Синода, отсылать для наказания и ссылки на галеры», а если «раскольник развратит, хотя единого из православных, то надлежит казни».

Все это незамедлительно сказалось на резком сокращении старообрядцев в Нижегородском крае: если в 1719 году из здесь официально насчитывалось 86 000 человек, то в 1737 году – оказалось лишь 6 822 человека обоего пола. Это не говорит о том, что все они вернулись в лоно православной церкви. Многие бежали за Каменный Пояс, на Север, многие сжигались в знак протеста, и такие места назывались Гари. Есть такое место и в Чкаловском районе.

Хотя надо сказать, что личность Петра I народом оценивалась по-разному. Так в 1703 году нижегородец Андрей Иванов в Москве на самого царя «дал извет»: «Веру православную рушит, велит бороды брить, платье носить немецкое, табак курить». Но Нижнему Новгороду от двора к двору, тайно передавалось рукописное «Собрание от Святого Писания об Антихристе, еже есть Петр Первый».

Упадок Василевой Слободы

При помощи старообрядческого купечества решительно расширился торг Нижегородский, Городецкий и Василевский. К этому времени в слободе появился свой купец – промышленник Василий Андреев, ежегодно отпускавший в Астрахань собственные струга с хлебом, строевым и поделочным лесом, невыделанными кожами и глиняной посудой, а назад доставлявший шелковые и восточные бумажные ткани, соль и рыбу. Свое значение торгового центра Поволжья Василева Слобода сохраняла и в первой половине XVIII столетия. В 1740-х годах лидирующее положение средиместного купечества занял оптовик-торговец Иван Чуфаров, вывозивший по городам России скупленные у местного населения глиняные горшки и кумганы (производились в Катунках), крашеную резную липовую посуду и коромысла.

Но 9 августа 1753 года слобода была уничтожена страшным пожаром: сгорели около 500 домов и весь торг с лавками и амбарами, два деревянных храма, а на каменной Вознесенской церкви огонь опалил железную кровлю и через окна проник вовнутрь. Колокола же с подгоревших балок рухнули всем своим весом на свод яруса звона и от жара оплавилась. Выгорели и все государственные учреждения: таможня, кабак и ледники с хранящимися там бочками водки и пива.

Это несчастье привлекло к необходимости перестройки всей Василевой слободы. Вместе с жилыми зданиями через два года была подновлена одноглавая Вознесенская церковь, а возле нее – лавки, амбары и полки торгова. В 1763 году вышло постановление правительства об отчуждении у монастырей всех земель. Монастыри во всей стране быстро стали приходить в упадок и архиепископ Питирим вынужден был написать решение о проверке монастырских «штатов».

Таким образом, монастырской Василева Слобода пробыла до 1764 года, когда после тщательной ревизии все четыре Василевских монастыря были закрыты «За скудностью» и Василево стало государственным экономическим селом.

В том же 1764 году слобожане срубили одноглавую бревенную Воскресенскую церковь. Ее образ дошел до нас на рисунках 1860 -х годов видного исследователя русской Национальной культуры, академика Л.В. Даля. Это была обычная для деревянного зодчества Поволжья XVII-XVIII веков рубленная клетчатая церковь с высокими двухскатными кровлями над моленным залом и трапезой.

Аналогичная рубленная церковь начала XVIII века костромского села Спас – Вежи, только поставленная из-за обычных там высоких паводков на столбы – «стулья», сегодня является достойным украшением музея деревянного зодчества Ипатьевского монастыря. И жаль, что мы потеряли в Василеве прекрасный памятник национальной строительной культуры! Но вдвойне благодарны Л.В. Дально, хотя бы в рисунках донесшего до нас его образ.

В пояснениях к графике он сообщил, что это «одна из интереснейших построек, очевидно, строена с намерением сохранить тип старинных церквей», тем самым дающая возможность познакомиться с народным зодчеством Нижегородского Поволжья и более древних времен.

После пожара слобода возрождалась медленно. В 1779 году при учреждении Нижегородского наместничества в ней официально называлось живущими лишь 266 душ (мужчин), в то время как в приписанных к Василеву Катунках указывалось 584 души. Но к концу следующего XIX столетия дело поправилось. В 1897 году здесь насчитывалось уже 512 мужчин и 499 женщин – тысяча душ обоего пола.

Первые отношения с помещиками

Если до страшного пожара 1753 года жители Василевой Слободы были свободны и сносно существовали, то этого нельзя было сказать об окружавших слободу деревнях, весях и починках. Все окружающие земли были расписаны между крупными и мелкими землевладельцами. Среди владельцев поместий были знаменитые на всю Русь фамилии, это господа Пожарские, Лыковы, Симбирские, Нарышкины, Гончаровы, Турчаниновы, Толстые, Потоцкие, Сицкие.

Фамилии господ взяты из церковных книг, но хочется заметить, что из владельцев вотчин никто здесь не жил, все предпочитали столицу и за границу, исключением являлись лишь графы Турчаниновы. Естественно, что в отсутствие господ вся власть в вотчинах была в руках старост, приказчиков и управляющих.

Помещик имел юридическое право на обязательный крестьянский труд, на принудительные повинности и сборы в свою пользу. Имел право на суд и расправу (за исключением уголовных дел). Обладал, наконец, правом наказывать крестьян всевозможными способами по своему усмотрению, лишь с ограничением - не наносить увечий и опасных для жизни ран. Помещик мог продать свою “собственность” в любые руки, с землей или без земли, деревней, семьями и в одиночку. Проиграть, пропить, подарить, заложить, обменять на породистых лошадей и собак, о чем с такой страстью негодования рассказал А.Н. Радищев. Но самым страшным наказанием для крепостного было, когда помещик отрывал его от привычного с детства окружения и либо сдавал в рекруты, а это на 25 лет, если останешься жив, либо ссылал на поселение в любую область Сибири. В 1782 году князь Георгий Вахтан-

гович Грузинский продал село Катунки с деревнями за 150 000 рублей князьям Варваре и Дмитрию Цициановым. Новые владельцы сразу же не поладили с жителями своих деревень, и в Нижегородские присутственные губернские места посыпались от Цициановых просьбы вроде нижеследующей: «Ходатайствуем об отсылке крестьянина Леонтьева за непорядочные поступки и девки Матвеевой за чинимые грубости и огорчения – на поселение в Иркутскую губернию...». Что и было исполнено.

Разбойники в окрестностях

Крестьяне покорялись судьбе и произволу далеко не все. Непокорные, свободолюбивые, предприимчивые и просто загнанные в угол, доведенные до отчаяния, они соединяли свою судьбу с теми, кого преследовал господский “закон”, шли в леса, выходили с кистенем на большую дорогу. На Волге и Оке почти каждый остров, пустынный затон или крутой поворот реки служили убежищем вооруженных удалцов.

В 1744 году были начисто ограблены две крупнейшие вотчины князя Ховановского и генерал-майора Шереметьева в Суздальском и Юрьево-Польском уездах. Начался тщательный розыск. Одним из пойманных, беглый рекрут Василий Федоров, дал безыскусственные, но яркие показания: от роду ему 27 лет, крестьянин Нижегородского уезда господ баронов Строгановых, деревни Монастырки. Тому с 5-ти лет отдан в Нижегородской Губернской канцелярии в рекрутные солдаты, и в верной службе присягал, военной экзерциции деревянным ружьем обучался, и с того города Нижнего Новгорода с такими же в набранных рекрутами выслан в Белгородскую волость. И в Нижегородском уезде, прошед село Вязовку, неизвестной деревне бежал и, сошед, жил на сибирских медных заводах. В прошлом, в 1742 году, весною, с тех заводов его, Федорова, и прочих бурлаков, сослали, (т.е. выгнали, как беспаспортных) и пошел он в Нижегородскую губернию на реку Усту. Там сошелся с бурлаком Григорием из Котельниц и пошли оба на реку Волгу. Пришли в деревню Фокину (близ Васильсурска) к крестьянину по имени Макар, а произвизца не знает. В этот же срок пришли к Макару бурлаки Федот Туненков, Григорий Маленький, Василий Воробьев, Степан Коза, Василий Матушкин, Степан Шмаков, Иван Кнут. Все девять, согласясь, пошли на реку для разбоев. По пути, промеж деревень Подождиной и Андрияновой (Балахнинской округи, село Новинки) в раменном лесу, к ним пристали еще тринадцать человек. Матвей Соколов, Афанасий и Гаврила без прозвища. Семен Черный, Яков Судомойкин из Пуреха, Федор Толстов из Хохломы, Петр Семенов, из Карельской волости Иван, а других как зовут и отколь, не знает... Посоветовав выбрали в атаманы Матвея Соколова, а в есаулы Семена Черного.

Первым пунктом действия была деревня Железова (той же Балахнинской округи). Здесь разбойники запаслись оружием. Отняли у двух крестьян «винтовки», в деревне Лисиной раздобыли у крестьянина Степанова фузею, у крестьянина Ивана Шкуры – порошу шесть зарядов. Придя затем в село Кромку (макарьевской округи), разбили попа, взяли пожитки, и, спрашивая у того попа денег, есаул Черный бил его плетью.

Воротившись в Балахнинскую округу, близ села Катунук, пришли в лес. Федор Кошкодавин с пятью товарищами от них отстали, остальные продолжали действовать. Грабили главным образом помещиков и попов, и взяли богатую добычу. «Близ мельницы Симачихи, – рассказывает далее Василий Федоров, – разбойник Федор Тупенок завыл по волчьим, и на тот его голос пришли к ним из лесу еще десятка два прятавшихся в чаще людей ...». Всего набралось в отряде свыше сорока человек. Выбрали нового атамана Осипа Полетаева и есаула Ивана Шарова. Еще выбрали: старосту для ведения «добычей» Ивана Кнута, помощника ему Василия, и двух огневиц Степана Крутоножку и Михаила Паляну (для питания огнем людей, не желающих отдать добровольно деньги). Очередной налет произвели на помещичий дом, стоявший посреди большого села Пестяков. Помещик со старостами и приказчиками встретил разбойников ружейным огнем. Произошло настоящее сражение, с обеих сторон оказались убитые и раненые. Разбойники осилили. В помещичьем доме, в горницах, в чуланах и амбарах взяли денег в трех мешках, 400 рублей, кроме пожитков и продовольствия. На трех телегах увезли разбойники отнятое помещичье имущество в лес, за Калушкину пустынь, где и произошел «дуван» (дележка) (Калушкина пустынь находится недалеко от с. Соломаты). В дальнейшем отряд побывал еще в селе Воскресенском Сокольской волости (Левобережье Волги), но пыл разбойников стал уже охладевать. Большинство из них почувствовало себя «богатыми» и не нуждалось в дальнейшем пролитии крови. Разбойная артель распалась, люди разошлись. Вскоре участник шайки Василий Федоров был пойман по делу ограбления помещиков Хованского и Шереметьева и на допросах подробно рассказал о своей более, чем трехлетней «деятельности» вокруг села Василево. Недовольство крестьян росло, назревали большие события и передраги, впереди была крестьянская война Емельяна Пугачева, которая, в который раз, после Болотникова, Булавина и Разина крепко встряхнет Российское государство.

Путешествие Екатерины II в «Азию»

Весной 1767 года Екатерина II осуществила давно намеченную поездку «в Азию», – так она называла районы Поволжья, где проживало много чуваш, марийцев, татар, мордвы. Целью путешествия было показать Западу, вернее западным дипломатам «благоденственную» жизнь малых народностей по берегам знаменитой русской реки. Императрицу сопровождали австрийский, прусский, испанский, датский, шведский послы и несколько наиболее родовитых представителей русской знати. Все главы администрации были заранее предупреждены о следовании галер по реке и кортежа по суше.

Жителей всех окрестных деревень согнали на дороги, которые спешно ремонтировались, прямилась, бутилились камнем, засыпались песком и по обочинам засаживались столь милыми сердцу императрицы березками. Единицы этих берез стоят и поныне, а еще в шестидесятых годах обильно росли двухвековые березы вдоль дороги от деревни Решетниково, через Медниково на Сицкое и далее на село Катунки.

История села Сицкого уходит вглубь XVII века. Свое название оно получило в честь князей Сицких, ярых сторонников Лжедмитрия I и II, которые в эпоху царствования М.Ф. Романова были приближенными царского двора. Село это получено ими в подарок от самодержца за верную долгую службу. В 1789 году началось строительство Спасо-Преображенской церкви. Строили ее крестьяне 62 окрестных деревень в течение 42 лет. В 1831 году строительство закончили и сорокаметровая церковь с маковками куполов, увенчанных крестами, предстала во всем обличии. Спасо-Преображенская стала не только основным культовым, но и прекрасным архитектурным сооружением - украшением всей Сицкой округи, рядом с ней прошла большая «царицына» дорога, которая была построена в честь Екатерины II. Ее кортеж проследовал по ней в 1767 году. В конце XIX века по этой же дороге гоняли и арестантов, а в 1896-97 годах вдоль нее были установлены первые телеграфные столбы. Тут же около дороги размещались почтовые станции и постоялые дворы. Даже в период НЭПа в Сицком существовало 4 постоянных двора.

Мимо Василевой Слободы императорская галера «Тверь» проследовала 18 мая, все жители села высыпали на берег и с удивлением и восхищением созерцали невиданные шитые золотом и серебром мундиры, чудные треугольные головные уборы с султанами. В село Городец прибыли вечером и отдыхали на галерах. А утром Екатерина повела всех на утреннюю молитву в Федоровский монастырь и вернулась в гнев: дряхлый архимандрит еле шамкал беззубым ртом, а братия была заметно навеселе.

После посещения Нижнего Новгорода Императрица писала: «... здешний преосвященный, кажется, человек слабый... Сия же Епархия, кажется, весьма достоина особого примечания, ибо число правоверных, думаю меньше, нежели число иноверных и раскольников, и так, кажется, нужнее всего здесь иметь священство, просвещенное учением, нрава кроткого и доброго жития, кои бы тихостию, проповедию и бескорыстию добронравного учения подкрепляли во всяком случае евангельское слово». И такой человек вскоре нашелся в лице епископа Дамаскина (Д.С. Руднева), сменившего Нижегородского епископа Феофана.

Пугачевское восстание

19 июля 1773 года отступая от Казани перед превосходящими и обученными правительственными войсками, Пугачев переправился на правый берег Волги и оказался в пределах Нижегородского края, вблизи городов Курмыша и Алатыря. Прибывшие из-за границы суворовские чудо - богатыри заставили его уйти на юг, но все же он побывал в двух городах, где по донесениям: «Оного злодея Пугачева встретили со святыми иконами и с хлебом - солью». Союзников в Нижегородчине у Пугачева было много, ведь он, как писал А.С. Пушкин в «Истории Пугачева», объявил «народу вольность, истребление дворянского рода, отпущение повинностей и безденежную раздачу соли».

Одного только не указал Пушкин, и что было особенно привлекательно, для старообрядцев, сектантов и иноверцев (мордвы, марийцев, чуваш), что народы эти ненавидели русских попов и чиновников. Достаточно было только посула Пугачева

о веротерпимости, и уже одно это пробуждало стремление восстать против притеснителей. У крестьян южных уездов главный враг - помещик. Север и Северо-Запад Нижегородского края за все время своей истории почти не знал помещиков. Их врагами являлись чиновники - администраторы. Отношение к ним хорошо просматривается в песнях крестьян:

«Не было б в сердцах наших боли,
Коли б не было рабской неволи!
Когда-то с каждого жила
По копейке с души сходило,
А ныне головы, да земские
Для нас мучители все мерзкие.
Известно всем и всему свету,
Что от секретаря и приказных житья нам нету.
А по их науке сотские воры
Без конца делают поборы».

Февраль 1774 года Выступление Трудового люда в Городце. Около 500 селений Нижегородской губернии участвовало в крестьянской войне, и только на исходе 1774 года губернатор Ступишин донес Сенату о подавлении восстания в крае. При этом было убито 5000 человек, а несколько сотен крестьян нещадно биты батогами и брошены в тюрьмы или с вырванными ноздрями и выжженном на лбу клеймом «вор» сосланы в Сибирь.

Отечественная война 1812 года (медвежий батальон)

Следующим потрясением для всего Российского государства, которое затронуло Нижегородский край, было нападение императора Наполеона I Бонапарта. Отечественная война призвала в ряды защитников почти всех мужчин помещиков, они служили в элитных войсках, но потом по призыву в народное ополчение, которое возглавил Михаил Илларионович Кутузов, пошли простые, равнодушные к судьбе Родины люди. В ополчение брались 4 человека от каждой ста душ (По последней ревизии – переписи). В августе 1812 года начался призыв. Нижний и губерния активно участвуют в создании Ополчения для отпора врагу. В него вливаются представители всех сословий – дворяне, крестьяне, ремесленники, мещане, студенты-семинаристы, послушники монастырей. Призвано 12928 ратников, сформировано 5 пеших полков и 1 конный. Из Москвы, Тулы, Коломны, с Урала доставляют ружья, пушки, снаряды. Нижегородцы участвуют в боях за города Кротошин, Дубин, Дрезден, Лейпунс, доходят маршем до Парижа. В «Наградном списке» кавалеров военного ордена отличившихся мужеством и храбростью в боях за Дрезден в 1813 году, мы встречаем имя крепостного крестьянина Балахнинского уезда деревни Сысоево – Дмитрия Казакова.

Жители западных областей и особенно города Москвы в страхе перед нашествием неуклонно приближающегося противника двигались на Восток. Особен-

но повезло помещикам имевшим имения в Поволжье и на Урале. От имени таких невольных беженцев в 1812 году поэт, Василий Львович Пушкина, дядя Александра Сергеевича, которые имели земли в Болдинском уезде Нижегородской губернии написал благодарное письмо, которое назвал: «К жителям Нижнего Новгорода»:

«Примите нас под свой покров,
Питомцы Волжских берегов!
Примите нас, мы все родные!
Мы дети матушки Москвы!
Веселья, счастья дни златые,
Как быстрый вихрь промчались вы!
Примите нас под свой покров,
Питомцы Волжских берегов!
Чад, братий наших кровь дымится
И стонет с ужасом земля!
А враг коварный веселится
На башнях древнего Кремля!
Примите нас под свой покров,
Питомцы Волжских берегов!
Святые храмы осквернились,
Сокровища расхищены!
Жилища в пепел обратились!
Скитаться мы принуждены!
Примите нас под свой покров,
Питомцы Волжских берегов!
Давно ли славою блистала?
Своей гордилась красотой?
Как нежна мать нас всех питала!
Москва, что сделалось с тобой?
Примите нас под свой покров,
Питомцы Волжских берегов!
Тебе ль платить позорны дани?
Под игом пришлеца стенать?
Отмсти за нас, Бог сильный брани!
Не дай ему торжествовать!
Примите нас под свой покров,
Питомцы Волжских берегов!
Погибнет он! Москва восстанет!
Она и в бедствиях славна;
Погибнет он! Бог Русских грянет!
Россия будет спасена.
Примите нас под свой покров,
Питомцы Волжских берегов!»

Из переписки поэта Батюшкова Константина Николаевича к поэту переводчику Шиллера, Вольтера и Гомера, Николаю Ивановичу Гнедичу (Нижний Новгород, октябрь 1812 года).

Здесь Карамзины, Пушкины, здесь Архаровы, Апраксины, одним словом – вся Москва, но здесь для меня дешевого спокойствия нет и, конечно, не будет. Ужасные происшествия нашего времени, происшествия, случившиеся как нарочно перед моими глазами, зло развалившееся по лицу Земли во всех видах, на всех людей, так меня поразило, что я насилу могу собраться с мыслями и часто спрашиваю себя: «где я? что я?».

Не подумай, любезный друг, чтобы я по старому предался моему воображению, нет, я вижу, разсуждаю и страдаю.

От Твери до Москвы и от Москвы до Нижнего, я видел, видел целые семейства всех состояний, всех возрастов в самом жалком положении, я видел то, чего ни в Пруссии, ни в Швеции видеть не мог: преселения целых губерний! Видел нищету, отчаяние, пожары, голод, все ужасы войны, и с трепетом взирал на землю, на небо и на себя. Нет, я слишком чувствую раны, нанесенные любезному нашему отечеству, чтобы минуту быть покойным. Ужасные поступки вандалов или французов в Москве и ее окрестностях, поступки, беспримерные и в самой истории, вовсе расстроили мою маленькую философию и поссорили меня с человечеством. Ах, мой милый, любезный друг, зачем мы не живем в счастливейшие времена, зачем мы не отжили прежде общей гибели!

При имени Москвы при одном названии нашей доброй, гостеприимной, белокаменной Москвы, сердце мое трепещет, и тысячи воспоминаний, одно другого горестнее, волнуются в моей голове. Мщения, мщения! Варвары, вандалы! И этот народ извергов осмелился говорить о свободе, о философии, о человеколюбии! И мы до того были ослеплены, что подражали им, как обезьяны! Хорошо и они нам заплатили!

Можно умереть с досады при одном рассказе об их неистовых поступках. Но я еще не хочу умирать; и так ни слова. Но скажу тебе мимоходом, что Алексей Николаевич совершенно прав; он говорил назат тому три года, что нет народа, нет людей, подобных этим уродам, что все их книги достойны костра, а я прибавлю: их головы – гильотины...

Нижегородский летописец – писатель Мельников-Печерский записал курьезный случай происшедший с французскими пленными офицерами в Нижегородской губернии: «Когда французы из московского полымя попали на русский мороз, забирали их тогда в плен сплошь да рядышком, и тех полоняников по разным городам на житие рассылали. И в Сергач сколько-то офицеров попало. полковник даже один. На зиму в город помещики съехались ознакомились с французами и по русскому добродушию приютили их, приглубили. Полоняникам не житье, а масленица, а тут подоспела и настоящая весела, честна, Масленица, Семикова племянница. Сегодня блины, завтра блины – конца пированьям нет. И разговорились пленники с радушными хозяевами про то, что летом надо ждать. “Не забудет, говорит, Наполеон своего сраму, новое войско сберет, опять на Россию нагрянет, а у вас все истощено, весь молодой народ забран в полки – не сдобровать вам, не справиться”. Капитан-исправник случился тут, говорит он французам: «Правда, ваша, много на-

роду у нас на войну ушло, да эта беда еще не великая, медведей полки на французов пошлем». Пленники смеются, а исправник уверяет их: самому-де велено к весне полк медведей обучить и что его новобранцы маленько к службе уж привыкли – военный артикул дружно выкидывают. «Послезавтра милости просим ко мне на блины, медвежий батальон на смотр вам представлю». А медвежатники по белу свету шатались только летней порой, зимой-то все дома. Повестили им от исправника, вели бы в город медведей к такому-то дню. Навели зверей с тысячу, поставили рядами, стали их заставлять палки на плечо вскидывать, показывать, как малые ребята горох воровали. А исправник французам: «Это, говорит, ружейным приемам, да по-егерски ползать они обучаются». Диву французы дались, домой отписали: «сами де, своими глазами медвежий батальон видели. С той поры французы медведями нас и стали звать».

Помня историю отрядов литовцев и поляков во времена «Смуты», когда после поражения некоторые отряды не стали отступать, а проникли вовнутрь страны, где некоторое время безнаказанно бесчинствовали среди безоружных людей. Со всем иное было после поражения французов, оголодавшие, среди враждебных снегов, они оседали в русских деревнях, поэтому фамилии Французов, Франчук были распространены в тех местностях, где проходили войска Наполеона, но некоторая часть армии, разочаровавшись и чувствуя гибель, дезертировали и уходили в незнакомую местность к востоку от Москвы. Двое таких вояк неизвестной национальности, но во французских мундирах, обмороженные и больные дошли до Василевских краев и были из жалости приняты жителями деревни Бородулино Пуреховского сельсовета. До весны они дотянули, но жизненные силы уже были на исходе, весной оба умерли. На сельском погосте поп запретил их хоронить, и их закопали на краю леса. Два холмика сохраняются и до сих пор. А местные жители так и называют это место «французские могилы».

Дед и бабушка великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького (Пешкова) были родом из Балахны. Хочется привести здесь воспоминания деда Каширина, так как их записал сам писатель в книге «Детство».

В воспоминаниях Алексея Максимовича Горького говорится: «Я о ту пору мал ребенком был, помнить себя я начал от француза, в двенадцатом году, мне как раз двенадцать лет минуло. Пригнали тогда в Балахну нашу десятка три пленников; все народ сухонькой, мелкой. Одеты кто в чем, хуже нищей братии, дрожат, а которые и поморожены, стоять не в силе. Мужики хотели было насмерть перебить их, да конвой не дал, гарнизонные вступились, – разогнали мужиков по дворам. А после ничего, привыкли все; французы эти – народ ловкой, догадливый, довольно даже веселые, – песни, бывало, поют.

Из Нижнего баре приезжали на тройках глядеть пленных, приедут, и одни ругают, кулаками французам грозят, бывали даже, разговаривают мило на ихнем языке, денег дают и всякой хурды – мурды теплой. А один барин старичок закрыл лицо руками и заплакал; вконец – говорит, – погубил француза злодей Бонапарт! Вот, видишь, как: русский был, и даже барин, а добрый: чужой народ пожалел...

Зима, метель метет по улице, мороз избы жмет, а они, французы, бегут, бывало, под окошко наше, к матери, – она калачи пекла да продавала, – стучат в стекло, кричат, прыгают, горячих калачей просят. Мать в избу – то не пускала их, а в окно

сунет калач, так француз схватит да за пазуху его, с пылу, горячим – прямо к телу, к сердцу; уж как они терпели это – нельзя понять! Многие поумирали от холода, они – люди теплой страны, мороз им непривычен. У нас в бане, на огороде, двое жили,

Офицер с денщиком Мироном; офицер был длинный, худущий, кости да кожа, в салоне бабьем ходил, так салом по колени ему. Очень ласков был и пьяница; мать моя тихонько пиво варила, продавала, так он купит, напьется и песни поет. Выучился по-нашему, лопочет, бывало: ваш сторона нет белый, он черный, злой!

Плохо говорил, а понять можно, и верно это: верховые края наши неласковы, ниже – то по Волге теплой земля, а за Каспием будто и вовсе снегу не бывает. В это можно поверить: ни в Евангелии, ни в Деяниях, ни того паче а места жития Христова – в той стороне...

Ну вот – французы, значит! Тоже люди не хуже нас, грешных. Бывало матери – то кричат: мадама, мадама, - это стало быть, моя дама, барыня моя, - а барыня – то из лабаза на себе мешок муки носила по пяти пудов весу. Силища была у нее не женская, до двадцати годов меня за волосы трясла очень легко, а в двадцать – то годов я сам неплох был. А деньщик этот, МIRON, лошадей любил: ходит по дворам и знаками просит, дали бы ему лошадь почистить! Сначала боялись: и испортит, враг, а после сами мужики стали звать его: «айда, МIRON!». Он усмехнется, наклонит голову и быком идет. Рыжим был даже до красна, носатый, толстогубый. Очень хорошо ходил за лошадьми и умел чудесно лечить их; после здесь, в Нижнем, коновалом был, да сошел с ума, и забили его пожарные до смерти. А офицер к весне чахнуть начал и в день Николы Вешнего помер тихо: сидел, задумавшись, в бане под окном да так и скончался, высунув голову на волю. Мне его жалко было, я даже поплакал, тихонько о нем, нежным он был, возьмет меня за уши и говорит ласково про что – то свое, и непонятно, а хорошо! Человечью ласку на базаре не купишь. Стал было он своим словам учить меня, да мать запретила, даже к попу водила меня, а поп высечь велел и на офицера жаловался. Тогда, брат, жили строго, тебе уж этого не испытать, за тебя другими обиды испытаны, и ты это запомни!

Протоиерей И. Соловьев о Василеве

Конечно, история Василева неразрывно связана с историей Нижегородского края, Российского государства, соседних районов и городов с их историей. Так что же это за местность, где так давно существует Василева слобода? Первая крепостца была расположена на слиянии речки Санохты, про которую можно сказать, что ее «кура вброд перейдет», и Волги. Про Волгу того времени написано: «...река Волга близ Василя очень широкая, сажень 400- 500 и делится к Югу на две равные части, из коих та часть, которая течет ближе к селу называется Воложкою - это древнее русло Волги, а за Верхним и Нижним островами идет настоящий фарватер Волги». Выше Василева, всего в одном километре, был естественный затон с прекрасным песчаным берегом – пляжем – малая Воложка. Заливные луга тянулись до самых Катунок. Сама слобода находилась как бы в лагуне защищенная с юга прекрасной зеленой горой Покровской, а с севера горой Воскресенской. Шапка Покровской горы была покрыта вековыми соснами. Покровка была названа в честь

мужского монастыря Покровского, который располагался на ней, а монахи не выбирали плохих и невыгодных мест для своих келий. На противоположной Воскресенской горе стояла красавица Воскресенская церковь, обнесенная белой кирпичной стеной. Она очень хорошо сохранилась на фотографиях из коллекции Государственного архива Нижегородской области, фотография конца XIX века. М.П.Дмитриева.

Сначала село разделилось на две части – это «базар», центральная часть села, в долине реки Санахты располагалось Подлужье, где жила основная часть жителей, беднота, рабочие и бурлаки. Престижная часть «Базар» содержал множество больших и малых лавок, амбаров, сараев, торгов и лотков. Дома вокруг площади, как правило, стояли двухэтажные полностью кирпичные, но чаще кирпичным был лишь первый этаж, где располагалась непосредственно лавка, а второй, где жила семья, располагались горницы и светелка, был деревянным. Позднее, с появлением севернее Василева, на малой Воложке – затона, на горе стали селиться священники, церковная прислуга, владельцы промысловых мастерских, питейных заведений, местная интеллигенция. Прекрасный вид на Волгу открывался с крутых берегов. Острова, луга, озера, множество речек, ручейков, все это кишмя кишело рыбой, дичью. Выше Василева на четыре километра, под крутым берегом, на котором сейчас расположена деревня Кораблево, где когда-то стоял рубленый храм, раскинулось невероятной красоты «Святое озеро». Всегда тихое, полное рыбы, заросшее со стороны Волги стеной камыша. Кто и когда назвал его «Святым» мы теперь, наверное, никогда не узнаем.

Центральная часть слободы «базар» на ночь выставляла сторожей, спускала собак, все лавки, магазины, лабазы, зерновые амбары на ночь запирались на пудовые замки, окна и двери затворялись литыми и коваными решетками. Спать ложились рано, но рано и вставали, жители «базара» существовали, обособлено от основных жителей села, в связи с тем, что их интересы, особенно материальные, были вне села. Позднее центральную площадь и несколько прилегающих улиц замостили булыжником.

Географический словарь Максимовича и Щекатова пишет: «Василева Слобода – жителей 625 человек, дворов 130, 4 церкви, 2 часовни, школа, 20 лавок и 4 трактира». «Темное царство» василевских купцов и лавочников создавало душную атмосферу. Окна домов с раннего вечера закрывались ставнями. Улицы тихие, узкие с различными переулками, закоулками, тупиками, в будничные дни почти безлюдные. Зато в престольные праздники и в среду, в базарный день, на них было шумно. Василевский базар был как праздник для жителей слободы и окружающих деревень.

Василевские купцы в одиночку и «кумпаниями» фрахтовали баржи, пароходы, и с низовьев Волги и Камы в больших количествах доставляли хлебные урожаи, для дальнейшей перепродажи в Ярославской, Костромской округе или на Макарьевской ярмарке. Поэтому и неудивительно, что всего на 600 человек жителей имелось двадцать лавок. XIX век – горькая бурлацкая доля. Адский труд и жизнь, как песня-стон, Н.А. Некрасов проникновенно писал:

«Но вдруг я стоны услышал,
И взор мой на берег упал,

Почти пригнувшись головой
К ногам обвитым бечевою,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик -
И сердце дрогнуло во мне.

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утра я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски».

М.А. Емельянов в своей книге «Самарская Лука и Жигули» пишет, что в то время по Волге ходило до четырех тысяч судов на лямках и парусах.

Сюда в Василеву Слободу, где в затоне отстаивались суда зимой, со всех концов сходились и съезжались многие тысячи обездоленного люда в надежде наняться в бурлаки, в «голь перекатную». Протоиерей Иван Соловьев описывал это так: «Каждую весну в Василеве собирались из сел и деревень близлежащих губерний тысячи этого люда для найма и поступления в бурлаки на Василевские и другие из близлежащих местностей суда, зимовавшие в здешнем затоне. Бурлаков до Василева обыкновенно провожали их жены и дети, и здесь происходили сцены полные драматизма, разгула и цинизма».

От такого великого многолюдья богатели Василевские лавочники, приказчикам был большой выбор рабочей силы, кабатчикам помогал наплыв пьющего люда, но вместе с ними богатели и церковные приходы. Ну, какой православный выйдет на любое дело, не перекрестив лоб, и не зайдя в церковь пожертвовать гроши на богоугодное дело. Церкви были ухоженные с богатыми иконостасами, с медным звоном, а в силу власти господней над душами, в те времена верили безоговорочно. Василевским церквям досталось богатое наследство от закрывшихся четырех монастырей, со старинными иконами, ризами, кадилами, подсвечниками, митрами, люстрами и т.д.

Одна из бурлацких песен, в которой дается сжатая характеристика десятков населенных пунктов и их жителей, от Астрахани до Костромы, сложена, несомненно, людьми бывальными, неоднократно проследовавшие по этому долгому пути. В ней после каждой запевки следует рефрен «Ах, ну, ох ты мне» и затем повторяется последняя строка запевки (обычно вторая):

«Не начать ли, не начать
С синя моря, со косы
С славной Астрахани
Ах, ну, ох ты мне,
С славный Астрахани.

Где попить, погулять –
В мати – Астрахани...».

Песня очень длинная, нас интересует только ближние к нам города и пристани, вот как они звучать

«Ах, вот Нижний городок
Ходь – гуляй в погребок...
Еще Сормово село-
Соромники наголо...
А вот село Козино –
Много девок свезено...
Город, город Балахна
Стоит полы распахня...
Город, город Городец
В нем народ молодец
Где горшками нагрузиться
В Василевой слободе...
Где телятами довольно,
Там Пучеж городок...».

Судя по характеристикам всех населенных пунктов, эти запевки были сложены и развивались среди людей, живших в Поволжье в мельчайших подробностях. Такими людьми являлись, конечно, бурлаки они были авторами этих запевок.

Отчет Научной Комиссии, С. Парийский

Побывавший в Василевой слободе Член Нижегородской Ученой Комиссии С.М. Парийский записал легенду, которую рассказывали ему бывалые бурлаки про местность, которая теперь называется деревня Беседы, а в простонародье просто Илья.

«...Идут по берегу бурлаки, тянут бечевою судно по Волге. Остановились передохнуть, да и кашу сварить. Кончили свой обед и снова собрались в путь. Взяли бечеву, тянут, потянут, а судно ни с места. Думали на мель сели, стали мерять, дна не достали. Что тут делать? Думали, гадали и решили просить священника из села, которое стояло на горе, отслужить молебен перед судовыми иконами - пророка Ильи и богородицы Печерской, а на той иконе вместе с Божьей Матерью изображены преподобные Антоний и Феодосии Печерские. Отпели молебен. Снова взялись за бечеву, а судно ни с места. Тогда порешили поднять иконы миром, с крестным ходом, звоном церковным перенесли святые иконы в сельскую церковь. Горячо молились православные за молебном. Кончили службу Божию. Стал народ поднимать иконы, чтобы на судно отнести, а поднять-то и не могут. Нечего делать, видно так Бог велел: оставили иконы в Церкви, одни вернулись бурлаки на судно без святынь. А время – деньги, идти бурлакам надо; взялись за бечеву, а судно-то, как перышко,

легче легкого, само пошло. Так и ушли бурлаки без святынь, а православные придел соорудили в церкви во имя пророка Божия Ильи, а Божья Матерь Печерская большим уважением и благоговением пользуется”.

Сам Парийский заканчивает так: «Это сказание относится к соседнему селению Матренкино-Ильинское или Ильинка тож – между Городцом и Василевом». 1912 год. Интересны записи протоиерея Ивана Соловьева, где он в силу своего звания подробно описывает святыни Василевских церквей. В Вознесенской церкви Василева была икона Смоленской Божьей Матери-Одигитрии. Внизу на ней надпись: «Сей чудный образ, принесен в Москву в лето 1504 года». По какому случаю и откуда была принесена икона в Москву и когда принесена или возвращена в село Василева Слобода, неизвестно. Этот образ Пресвятой Богородицы прихожанами – василевцами почитается чудотворным, и украшен был серебропозлащеною ризою с камнями. Кроме сей древней иконы, были еще очень древние: Храмовая святая икона Вознесения Господня, Икона Святой Троицы, Святого Иоанна Предтечи, Благовещения Пресвятой Богородицы в медных посеребренных ризах и икона Святой Великомученицы Анастасии Узорешительницы, почти в рост человека, в бархатной унизанной жемчугом ризе, а по бокам обложенная серебрянными с позолотой листами.

К сожалению после мятежа 1917 года, все это богатство русской культуры, хранившееся в Василеве, было разбито, сожжено, ободрано. Драгоценности экспропрированы, а единицы, если и уцелели, то находятся в частных домах, и владельцы, возможно, и не подозревают об их исторической ценности.

Начало пароходных кампаний. Кустари

Годы шли, менялись города и веси вдоль Волги. Менялось и Василево. С окончанием бурлачества, по самой крупной водной артерии России чередой пошли пароходы. Первоначально все они отапливались дровами, а на такую прорву техники нужны были не малые кубометры. Чтобы упростить задачу, стали вырубать леса вдоль реки, близко тащить, связывать в плоты и сплавлять по реке дешево. Вековые леса вокруг Василева стали быстро исчезать, так что к началу века осталась только роща за рекой Санохтой, именуемая Покровской, принадлежащая крестьянам и ими же объявленная заповедной. Само население берегло ее, как памятник седой старины, не позволяя рубить из нее ни одного дерева, за исключением валежника и сухостоя. Роща эта, действительно, замечательная по высоте и толщине деревьев, из коих немало найдется таких, которые имеют в диаметре 16 вершков. Вот почему в древнее время все монастырские храмы, церкви, часовни, существовавшие в Василеве, были выстроены из собственного леса.

Очень много лесов вырубали и вывезли наши соседи из города Балахны, им нужны были дрова в огромных количествах, т.к. в Балахне добывали соль. Иной год существовало до 86 варниц соли, а как же выпаришь соль без дров. Рассол поднимали с глубины более 50 метров по трубам, затем по желобам разливали в црены варниц – рубленых сараев с кострищем в центре. Црен – огромная сковорода (6*6

или 8х8 метров) с высокими бортами, на цепях подвешенная над огнем. Выварка соли (с подливой рассола 2-3 раза) продолжалась непрерывно от 3 до 4 суток.

За год сжигалось в каждой варнице до 5000 однополенных дров. Варницу обслуживало 8 человек. Помог и царь реформатор Петр I, еще в первый свой проезд учредил в Балахне верфи для постройки судов, Лучший лес шел на постройку судов, еще в начале XVIII века, верфи спускали на воду ежегодно до ста барж. С исчезновением лесов стали закрываться промыслы, зависящие от наличия дров, климат и экология Волги стали меняться. Фарватеры быстро заиливались, Волга резко мелела, появилось множество перекатов. Встал вопрос о постоянной работе по углублению дна, чтобы не прерывать навигацию. Вот тогда и были закуплены в Голландии первые землесосы, землечерпалки и суда, их сопровождающие, баржи и шаланды.

1 сентября 1883 года начинается строительство мастерских для технического обслуживания, ремонта и зимнего отстоя этого специализированного флота. Выбор пал на Василево не случайно, ведь рядом был естественный затон, который в простонародье назывался Малой Воложкой. Вторым плюсом было то, что всего в 65 верстах ниже по Волге располагался огромный по тем временам Сормовский судостроительный завод, в то время основной поставщик судов для могучей водной магистрали. Третьим плюсом было то, что по административному подчинению и Сормово, и Василево были Балахнинского уезда.

Первоначально мастерские были примитивные, сам первый директор мастерских инженер Мазинг Р.К. (немец) жил постоянно в Нижнем Новгороде и бывал в Василеве лишь наездами. Работа была сезонная, т.е. работали зимой, а летом увольнялись, за исключением 4 конторщиков и 4-5 станочников. Это как нельзя, кстати, было для работающих здесь по найму крестьян из окружающих деревень, все лето они отдавали ниве. С образованием мастерских в жизни села никаких серьезных изменений не произошло, просто появились мастеровые люди, а остальное население продолжало жить по старине. Вокруг Василева было множество выходов белых и красных глин, что и дало кустарям возможность освоить новый промысел - гончарный. В Географическом словаре Российского государства (41 Том, 1801г. стр.735) написано: «...славилась Василева слобода гончарным производством». В середине XIX века в селе было 25 гончарных мастерских, в которых производилось свыше миллиона изделий. Василевцы считались хорошими мастерами, их посуда высоко ценилась по всей Волге: «Василево – село Нижегородской губернии. Крестьяне промышляют лето судовым ходом, а зимой делают горшки и другую глиняную посуду. Глину добывают они у себя в селе; что касается собственно до их работы, то весьма низкие свои кружки вертят они не ногами, но левой рукой и печки для обжигания вещей делают над горном, наподобие бочки величиной в сажень, а пространством в поперечнике в 5 футов. Обжегши довольно свои изделия, закрывают они печку сверху и подкладывают курево, от которого дым проникает сквозь посуду и придает ей темно-синий цвет. Они делают также пивные корчаги ведра на четыре. Посуда их тонка, гладка, крепка и так хороша, что каждый год нагружают ею до 16 барок, вниз по Волге спускаемых».

Церкви и Василевские святые

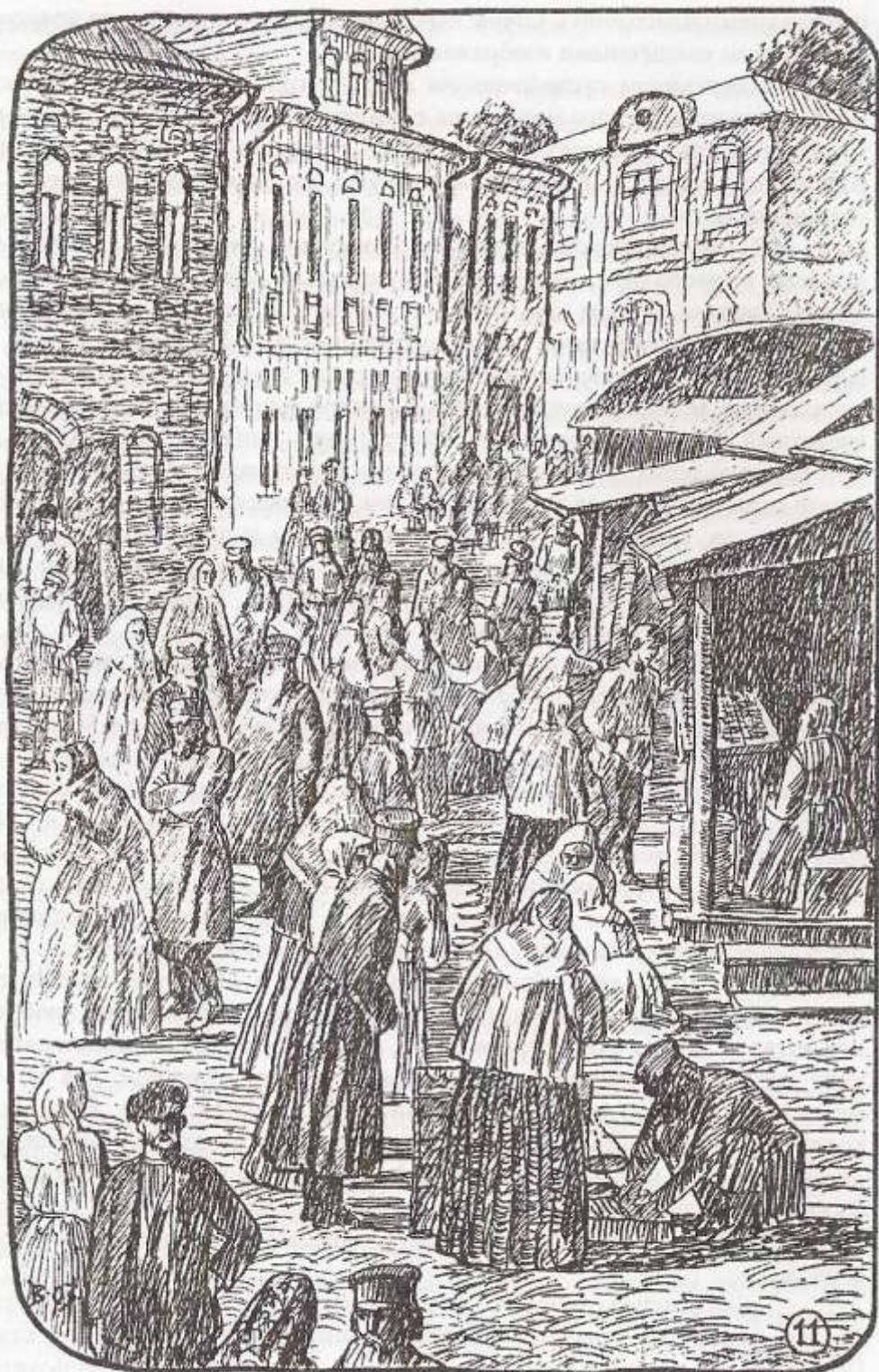
Для души в Василеве 2 прихода на месте женских монастырей, в каждом приходе по две церкви. Особо о самом древнем вознесенском приходе. В нем две отдельные церкви Вознесенская и Анастасиевская, обе каменные, крытые железом и окружены каменною оградой с железными фигурными решетками. Церкви эти находятся почти на самом берегу Волги, так что весной, во время большого разлива, вода входит в ограду. Церковь Вознесения Господня - холодная, построена в 1755 году на месте, где стоял прежде храм того же имени. Другая церковь Анастасиевская – теплая, в честь святой великомученицы Анастасии Узорешительницы, построенная в 1797 году. Обе церкви украшены прихожанами благолепно. Стены выкрашены изнутри масляною краскою и расписаны священными изображениями.

Памятником существования до 1750 года в Василевой Слободе Вознесенского женского монастыря служит, кроме главного приходского храма в честь Вознесения Господня, предания о некоей инокине Анастасии, ведущей в монастыре строго подвижническую жизнь и угодившая богу.

В Вознесенском женском монастыре спасалась Анастасия, имевшая родного брата, инока же, в Покровском мужском монастыре по имени Гаврила. Родом оба были из Грузии и, как гласит предание, царских кровей. Анастасия была мила лицом, кротка, богобоязнена и набожна. Она несла послушание тем, что пасла овец. Богу было угодно ее послушание, и овцы никогда не болея, быстро множились, что приносило известный доход монастырю. Когда же инокиня скончалась в престарелых летах, то была похоронена в Вознесенском монастыре в одной могиле с ранее ее умершим братом Гавриилом. Прошло много лет, на месте ее погребения стали строить храм, и при рытье рва для фундамента, обретенны были два гроба непогнившими и в них нетленными тела двух лиц иноческого чина. Тела эти предание приписывает Анастасии и Гавриилу.

В среде благочестивых василевцев сохранился письменный памятник об этом событии. Это копия с акта освидетельствования двух гробов Архимандритом Нижегородского Печерского монастыря Макарием в 1639 году и об обретенных в них 3-го мая при Вознесенской церкви села Василева нетленных мощах. Список этот или акт, неоднократно переписывался и поэтому не может быть точным; один из них в 1886 году был доставлен священнику Победоносцеву крестьянином Степаном Каманиным, к которому список перешел от его дедов и прадедов и был в подлиннике помещен Победоносцевым в Василевскую летопись, представленную им бывшему Нижегородскому епископу Модесту.

«В память сего обретения двух гробов в 1797 году воздвигнут каменный храм Анастасиевский. Предание говорит, что над сими гробами под алтарем церкви был устроен склеп, а над ним оставлено помещение в виде часовни, с колодцем и с дверью с южной стороны, для входа желающих помолиться, куда действительно благочестивые василевцы ходят почти ежедневно доселе и многие другие жители окрестных деревень и сел и черпают воду, и употребляют ее по вере, для здоровья. В сороковых годах минувшего века к церкви была пристроена большая каменная часовня с медною главою и крестом, вызолоченным через огонь».

«Богомольцы бросают клочки шерсти через дверь как дар так как Святая Анастасия считается покровительницей овец и вообще стад. Прямо у иконостаса колодчик с водой. Эта часовенка пользуется большим уважением, особенно среди беременных женщин, которые после молитвы пользуются водою из колодца, верят в ее целительную силу при тягостях деторождения. Шерсть регулярно собирается и в год, раз продается, что тоже является подспорьем церкви». Так писал и донес до нашего времени Протоиерей Соловьев И. события и предания давно минувших лет. В отношении раскольников он пишет, что у них была часовня. До 1883 года часовня эта по внешности своей ничем особенным от других деревянных зданий не отличалась и помещалась в большом, высоком, старинном сарае, имея только над входным крыльцом приклепленный медный крест. С 1883 года моленная раскольников часовня совершенно изменила свой внешний вид: она была построена заново и получила по внешности вид схожий с православным храмом, с главою и крестом. В 1903 году вместо деревянной она была обнесена высокой каменной оградой с воротами, над которыми возвышаются глава и крест. В ограде построен большой двухэтажный каменный дом для австрийского притча, а также для приема и временного помещения, приезжающих для служения лжеепископов австрийского толка.

При Советской власти церковь выполняла роль официального здания, в ней располагался Василевский райком комсомола. От старых купеческих особняков остались лишь дом купцов Рукавишниковых в котором долгое время была музыкальная школа, а теперь располагается Государственная АВТО – инспекция, да дом купцов Малыгиных. Здесь располагалась поликлиника, больница, рабочий клуб им. Якова Петрова, а в настоящее время располагается Чкаловский морской клуб.

Беглопоповская и безпоповская секты имели свои молельни в частных домах и своих особых требоисправителей.

Пророчества из старообрядческих книг

Читая древние книги, пророчества святых удивляешься, как могли они в своей древности предсказать явления, которые будут иметь место в XX и XXI веках. Приведу выдержки из старообрядческих книг – «Пролог», «Вера», «Кириллова книга» и «Басни до конца».

Староверческая книга «Пролог».

«И рече преподобный Памва ученику своему се убо глаголю, чадо, яко приидут дние, внегда расказят иноци книги, загладят отеческая жития и преподобных мужей предания, пишуще тропари и еллинская писания. Сего ради отцы решат «Не пишите доброго грамотою, в пустыни живущие, словес на кожаных хартиях, хошет бо последний род загладити жития святых отец и писати по своему хотению».

Книга «Вера», 246 лист

«К сему же внидет в люди безверие и ненависть, реть, ротьба, пьянство и хищение; изменят времена и закон, и беззаконнующим завет наведут с прелестию и осквернят священные применения всех оных святых древних действ, и устыдятся креста Христова на себе носить».

«Кириллова книга» — слова в неделю мясопустную:

«Такожде святей Ипполит, папа римский, глаголет: “Сия заповедахом вам, да рахумеете напоследок быти хотящая: болезнь и молву и всех человек еже друг ко другу развращение, и церкви Божии якоже простыя храмины будут ... И развращения церковная всюду будут ... Писания небрегоми будут ...».

«Басни до конца»

«Басни до конца во мнящихся христианех будут, тогда восстанут лжепророки и ложные апостоли, человецы тлетворницы, злотворцы, лжуще друг другу, прелюбодеи, хищницы, лихоимцы, заклинатели, клеветницы, пастырие якоже волцы будут, а священницы лжу возлюбят ...».

«О! горе, егда будет сие, восплачутся тогда и церкви божии плачем великим, зане ни приношения, ниже кадило совершится, ниже служба богоугодная; священные бо церкви, яко овощная хранилища будут, и честное тело и кровь Христова во днех оных не имать явитися, служба угаснет, чтения писания не услышится, но тьма будет на человецех».

Вот такой была история Василевой Слободы до двадцатого века. Далее история пошла другим путем, и многое в селе изменилось с приходом Советской власти, с полным переносом города при появлении водохранилища. А в 1904 году родился у нас, прославил и дал городу свою фамилию великий летчик нашего времени «Сталинский сокол» Валерий Павлович Чкалов.